

НАТИ СМОЛЬНИКОВА

ВЕНЕЦ
АРКАНТЫ

Нати Смольникова
Венец Арканы

«Литнет»

2026

Смольникова Н.

Венец Арканты / Н. Смольникова — «Литнет», 2026

Николетта не искала власти. Она не хотела спасать мир. Но магия выбрала её. Чтобы остановить войну, она должна пройти через семь Печатей — семь смертельных испытаний, оставленных Первыми. Времени нет. Враги уже плетут интриги. А её сердце разрывается между долгом и любовью. Собери Венец. Удержи равновесие. И выбери, с кем остаться, когда рухнут миры. «Венец Арканты» — это эпическое фэнтези о любви, которая сильнее запретов, о выборе, который меняет судьбу, и о силе, которая живёт в каждом из нас. Магия, опасные приключения, любовный треугольник, древние тайны и финал, который не оставит равнодушным. Если ты думаешь, что знаешь, что такое любовь — попробуй полюбить того, чья тьма убивает твой свет. Если ты думаешь, что знаешь, что такое сила — попробуй принять Венец, который может спасти или уничтожить. Если ты думаешь, что знаешь, что такое свобода — попробуй отказаться от всего, чтобы быть собой. «Венец Арканты». Выбор, который изменит всё

© Смольникова Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. АСВЕЛЛОР	5
ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ПЕЧАТЬ	11
ГЛАВА 3. ТЕНИ, ТУДА НЕ ПРОХОДЯТ	18
ГЛАВА 4. ВРЕМЯ, КОТОРОЕ ПОМНИТ	22
ГЛАВА 5. ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА	28
ГЛАВА 6. КРОВЬ, НЕ ВОДА	32
ГЛАВА 7. ТА, КТО ПОНЯЛА ТЬМУ	37
ГЛАВА 8. ПЕЧАТЬ МАТЕРИИ	43
ГЛАВА 9. ВЫБОР, КОТОРЫЙ ВСЕГДА ЛОМАЕТ	47
ГЛАВА 10. ЛЮМЕН-ТИИР	53
ГЛАВА 11. ЛАБИРИНТ ФАТУМА	58
ГЛАВА 12. ГРАНИЦА. РАЗРЫВ	63
ГЛАВА 13. ЛЮМЕН-ТИИР. ВСТРЕЧА	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

ГЛАВА 1. АСВЕЛЛОР

Воронка портала, открытая камнем Хранителя Знаний, погасла едва Николетта переступила невидимую грань. Она не почувствовала привычного порталного скручивания, которое всегда выворачивало внутренности и заставляло сжимать зубы. Мир просто сменился, как декорация в театре, где не успеваешь заметить движение занавеса. Единственное, что осталось прежним, это Пуш, который приземлился прямо ей в руки, вцепившись коготками в воротник.

Николетта открыла глаза. Воздух здесь был другим. Не тяжёлым, пропитанным пылью веков, как в библиотеке Хранителя. Не магическим, плотным и искрящимся, как в любом городе Арканты. Этот воздух был живым — лёгким, пахнувшим мокрым камнем, цветами, свежей выпечкой и, как ни странно, жареной рыбой. Желудок Николетты предательски заурчал.

Пуш, до этого момента сидевший смирно, вдруг задёргался, высунул голову и замер. Ноздри его трепетали, глаза-росинки расширились, а потом он вырвался из её рук и сиганул в траву, которая здесь оказалась по колено. Трава переливалась красно-зелёным золотом, и при каждом прикосновении рассыпалась снопом искр. Пуш кувыркался в ней, как щенок, от счастья его шерсть встала дыбом, а искры летели во все стороны, превращаясь в крошечных светлячков.

— Здесь пахнет домом! — кричал он, хотя Николетта была единственной, кто мог его слышать. — Настоящим домом! Я не знал, что так бывает!

Николетта огляделась. Они стояли на краю утёса. Внизу простиралась долина, но это была не просто долина. Это был целый мир, созданный без оглядки на привычную архитектуру, без страха перед гравитацией и здравым смыслом. Горы здесь парили в воздухе. Огромные каменные массивы висели над пропастью, удерживаемые невидимыми силами, и с их вершин срывались водопады. Вода падала вниз, в облака, и исчезала, не долетая до земли, чтобы снова подняться наверх туманными спиралями. Над одним из водопадов крылатая ящерица пыталась поймать рыбу, которая, видимо, тоже предпочитала воздушную стихию водной.

Между парящими скалами были перекинuty мосты — не каменные, не деревянные, а сотканые из чистого света и зелени. Они покачивались на ветру, и по ним бегали маленькие существа, чьи голоса доносились до утёса с отчётливой, на удивление знакомой руганью.

Дома в этом месте не строили — их выращивали. Деревья с серебристой корой сплетали ветви в причудливые арки и башенки, корни оплетали скалы, удерживая жилища над пропастью. Из одного такого дома вылетела тарелка и, описав идеальную дугу, ушла в пике вниз. Следом высунулось лохматое существо, потрясло кулаком и скрылось обратно.

— У них тут тоже бытовые проблемы, — заметила Николетта.

Пуш её не слушал. Он уже мчался вниз по склону, оставляя за собой светящийся след.

Склон оказался коварным. Камни пружинили под ногами, трава скользила, и Николетта, не рассчитав шаг, наступила на что-то круглое и мокрое. Дальнейшее напоминало аттракцион: она проехала на пятой точке добрых двадцать метров, поднимая фонтан искр и мелких камешков. Пуш даже не обернулся.

Внизу её уже ждали. Первым, кого она увидела, был старый элари — так позже она узнала, что пуши называют себя на древнем языке. Он был седым, с длинной шерстью, которая искрилась серебром, с умными глазами и шрамом через всю морду, пересекающим переносицу и уходящим под ухо. Он стоял на задних лапах, опираясь на посох из сплетенных корней, и смотрел на подбежавшего Пуша с выражением, в котором смешались радость и недоверие.

Пуш замер перед ним. Старый элари медленно поднял лапу и коснулся его морды. Лапа дрожала.

— Вернулся, — сказал он на языке Арканты, но с таким древним акцентом, что Николетта с трудом разобрала слова. — А мы уж и не ждали тебя.

— Вернулся, — голос Пуша дрогнул, и по его щекам из-под шерсти покатались искристые слезы.

Старый элари обнял его, и вокруг них тут же собрались другие. Маленькие и большие, серебристые и серые, с пушистыми хвостами и почти лысые. Элари рождались с разной шерстью, и это считалось особым знаком. Они щебетали на своём языке, гладили Пуша, трогали его шерсть, будто проверяли, настоящий ли он. Кто-то принёс ему светящуюся ягоду, кто-то кусочек мягкой коры, кто-то даже сплетенный из световых нитей амулет, который надел Пушу на лапу.

Николетта стояла в стороне, чувствуя себя лишней, и в этот момент кто-то тронул её за штанину. Она опустила глаза. На неё смотрел крошечный элари, размером с футбольный мяч, с шерстью цвета утреннего тумана и огромными глазами, в которых помещалось всё небо Асвеллора.

— Ты кто? — спросил он тоненьким голоском.

— Николетта.

— А чего такая большая?

— Так получилось.

— А этот элари твой? — он кивнул на Пуша.

— Мой друг.

— А почему ты так смешно съехала со скалы? — он хихикнул. — Я видел.

— Потому что скользко было, — отрезала Николетта. — А ты кто?

— Меня зовут Шу, — важно сказал элари. — Я тут главный по забавам.

— И много у тебя подопечных?

— Много, — он гордо выпятил грудь. — Но ты не бойся, большая. Мы добрые. Только если не наступать на хвосты.

Николетта открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент из кустов вылетело нечто. Существо было ростом с десятилетнего ребёнка, с кожей цвета коры старого дуба и длинными руками, которыми оно отчаянно размахивало. На голове красовалась шапка из живого мха, а из-под мышек торчали маленькие перепончатые крылья, явно не предназначенные для полёта, но очень выразительные.

— Опять! — завопило оно. — Опять мост сломали! Я же говорил, не прыгать! Не прыгать! А они!

Оно заметило Николетту, замерло и уставилось.

— Это кто? — спросило оно, тыча в неё кривым пальцем.

— Гостья, — ответил старый элари, не оборачиваясь. — Пришла к Печатам.

— К Печатам? — существо присвистнуло. — Ого. Ну, удачи. Там этот, с крыльями, вообще псих. Если дойдёшь до него, то передай привет, пусть мост починит. Ему всё равно делать нечего, только на облаках сидеть.

— Какой с крыльями? — спросила Николетта, но существо уже скрылось в кустах, громко матерясь себе под нос на языке, где каждое второе слово было ругательством, а третье — проклятием мостам.

— Это корвит, — пояснил Шу, сплюнув сквозь зубы. — Мостовой народ. Они мосты чинят. Вернее, пытаются. Но все прыгают, и они ломаются. А эти злятся. Но вообще они добрые, просто нервные. У них работа нервная.

— А кто ещё здесь живёт? — спросила Николетта.

Шу открыл рот, но ответить не успел. Их уже ждали у большого котла. Корвиты, с четырьмя руками, сутились вокруг огня, который горел прямо на камне без дров, поддерживаемый чистой магией земли. Тот, что был с самой пышной бородой, заплетённой в семь косичек с бусинами из светящегося камня, вытер руки о фартук и подошёл первым.

— Я Шот, — сказал он, протягивая Николетте сразу две руки — верхнюю и нижнюю. — Главный корвит. Мы тут главные по еде. А заодно по алхимии, артефактам и всему, что можно сварить, смешать или взорвать, если неправильно рассчитать пропорции.

— Приятно познакомиться, — Николетта пожала обе руки, стараясь не перепутать.

— Садись, гостя, — Шот кивнул на каменную скамью у огня. — Расскажем, куда ты попала. А то стоишь, глазами хлопаешь, как тот архихонт, когда мы ему вместо супа отвар из светляков подали.

— Сто лет прошло, а он всё ворчит, — фыркнул другой корвит, помешивая в котле. — Неразборчивый народ.

Николетта села. Пуш устроился у ног, не сводя глаз с котла. Шот разлил по деревянным мискам дымящуюся уху, и запах стал таким, что у девушки заурчало в желудке с новой силой.

— Ешь, — сказал Шот. — Разговор долгий будет.

Николетта сделала глоток. Уха оказалась невероятной — наваристой, с травами, которых она никогда не пробовала, с кусочками рыбы, которая, кажется, до последнего момента была жива и летала, но в супе вела себя прилично.

— Что это за место? — спросила она, отставляя миску. — Я знаю, что Асвеллор. Но что это такое?

Шот переглянулся с другими корвитами. Потом кивнул старому элари, который подошёл и сел напротив, опираясь на посох.

— Асвеллор — это мир, — сказал элари. — Не город, не крепость. Мир. Созданный Первыми, когда они поняли, что их новый дом, Арканта, может не выдержать их же силы. Они спрятали этот мир за завесой, оставив здесь то, что не хотели терять.

— Что именно?

— Всё, — просто ответил элари. — Начало. Память. Равновесие.

Он провёл лапой над огнём, и пламя послушно вытянулось, образуя карту.

— Здесь есть пять земель, — сказал он. — Каждая связана с одним из Первых. Земля Элары — живой лес, где деревья помнят голос создательницы. Земля Ринона — парящие горы, где время течёт иначе. Земля Аура — Гремящая гора, где металлы рождаются в воздухе. Земля Велара — Равнина выбора, где ветер меняет направление в зависимости от решений путника. Земля Фатума — Зал судебных, где предсказания высечены в камне. Земля Вериана — Башня истины, откуда виден весь мир. И центр — плато Либриса, где стоят семь обелисков и парит Венец.

— Шесть земель, — поправила Николетта. — Ты назвал шесть.

— Седьмая — город Первых, — элари сурово посмотрел на неё. — Туда нельзя войти, пока не получишь Печать. Его охраняют архихонты.

— Арчихонты?

— Хранители. Те, кто остался здесь добровольно, когда завеса закрылась. Они следят за Венцом, за обелисками, за порядком. Они не вмешиваются в жизнь других существ, но если кто-то нарушает равновесие, то появляются они. Беззвучно. И напоминают о законах.

— Они похожи на людей, — добавил Шот, подкладывая ей ещё рыбы. — Только старые. Очень старые. И молчаливые. Говорят, они помнят голоса Первых. Но сами почти не говорят. Им слово, как удар. Они не тратят их зря.

— А кто ещё здесь живёт? — спросила Николетта.

Шот расправил плечи, явно довольный, что настала его очередь рассказывать.

— Кроме нас, корвитов, — сказал он, — и элари, которых ты уже видела, есть ещё три народа.

Он поднял первую руку.

— Люминессы. Живут в озёрах. Выглядят как медузы, но с лицами. Самые древние из всех. Они были здесь ещё до того, как Первые создали Асвеллор. В их телах течёт вода, которая

помнит всё. Всё, что было. Всё, что будет. Если задашь правильный вопрос, то ответят. Но ответы их как вода: текут, меняются, ускользают.

Он поднял в воздух вторую руку.

— Сильваны. Лесной народ. Живут в глубине Живого леса, где деревья растут корнями вверх. Не строят домов, не готовят еду, не чинят мостов. Просто слушают. Лес говорит с ними, и они отвечают. Говорят, они слышали голоса Первых даже после того, как те ушли. Если ты ищешь Печать Элары — ты должна начать с них. Но они не пропустят никого, кто не готов слушать.

Он прервался, и после паузы поднял третью руку.

— Архихонты. Хранители города Первых. Их мало, и они не покидают центральное плато. Они следят за Венцом. Если дойдёшь до них, значит, ты прошла всё. Они не помогут, но и не помешают. Если ты достойна.

— А что насчёт тех, кто чинит мосты? — спросила Николетта, вспомнив лохматое существо с шапкой из мха.

— Это корвиты, — Шот обиженно надулся. — Мы. Я же сказал.

— А, прости, — Николетта сделала глоток ухи, чтобы скрыть улыбку. — Перепутала.

Дом, который ей выделили, оказался не во дворце архихонтов и не в живом дереве, как она ожидала. Он стоял на краю небольшой поляны, у самого обрыва, откуда открывался вид на водопад, падающий в облака. Крыша была покатой, из плотно сплетённых ветвей, которые росли прямо из земли, образуя стены. Внутри была маленькая кухня с очагом, где вместо дров горели светящиеся шары, и одна общая комната с низким потолком и широкими подоконниками.

На подоконниках стояли горшки с цветами, которые мелодично позвякивали, когда их касался ветер. На столе кто-то оставил корзину с продуктами и записку, выведенную корявыми буквами: «Это хорошо, что ты пришла. Если что понадобится, то ори. Мы услышим».

— Орать? — переспросила Николетта.

— Архихонты написали, — Пуш запрыгнул на подоконник. — Они редко говорят. А когда пишут, выбирают самые простые слова. Думают, все такие же молчаливые.

— А они разве не в центре?

— Они везде, — Пуш пожал плечами. — Когда нужно.

Николетта провела рукой по стене. Древесина была тёплой, живой. Под пальцами пульсировало что-то спокойное, ровное, как дыхание спящего зверя.

— Мир нас принял, — сказала она.

— Да, — кивнул Пуш, жмурясь. — Мы теперь здесь свои.

За окном мелькнула тень. Николетта выглянула. На краю поляны стоял корвит, тот самый, который ругался из-за моста. Он держал в руках какой-то свёрток и мялся, переминаясь с ноги на ногу.

— Идите сюда, — позвала Николетта. — Не стесняйтесь.

Он подошёл, сунул ей свёрток и буркнул:

— Это чтоб мост не ломался. Амулет. Повесьте над дверью.

— Спасибо, — Николетта развернула тряпицу. Внутри лежал камешек, переливающийся голубым, на кожаном шнурке.

— А то вы, гости, вечно топчетесь, — проворчал корвит, но в его голосе не было злости. — Мост новый, аж три дня делал. А вы, значит, пришли. И уже...

— Мы не будем топтать, — пообещала Николетта.

— Ну-ну, — он махнул рукой и ушёл, растворяясь в сумерках.

Николетта повесила амулет над дверью. Камешек засветился ровным, спокойным светом.

Они сидели на подоконнике, смотрели на водопад, который в темноте светился изнутри, и молчали. Где-то вдалеке пели элари — протяжно, грустно и светло, как поют о тех, кто вернулся домой.

— Николетта, — сказал Пуш, сворачиваясь клубком у неё на коленях.

— М?

— Ты заметила, они все здесь... счастливые?

— Заметила.

— Это потому что они дома, — он вздохнул. — А я думал, что дома — это где ты. А оказалось, можно и так.

Николетта погладила его по тёплой шерсти.

— Ты можешь остаться, — сказала она тихо. — После того, как я пройду испытания. Ты можешь жить здесь, среди своих.

Пуш поднял голову. В его глазах-росинках отражался светящийся водопад.

— Я подумаю, — сказал он. — Но сначала мы должны получить Печати. Я с тобой, Николетта. До конца.

Она кивнула соглашаясь. Завтра начнутся испытания. А сегодня есть этот дом. Тёплый, шумный, странный, полный существ, которые ругаются, мирятся, варят уху и чинят мосты. Живой.

Пока Николетта устраивалась в Асвеллоре, в Арканте никто не спал. В главном дворце Правитель Морган метался по комнате, как зверь в клетке. Он чувствовал, что что-то изменилось. Воздух стал другим. Не плотнее, не разреженнее, а каким-то чужим. Будто кто-то открыл окно в мир, о существовании которого он не знал.

— Где она? — спросил он у пустоты.

Никто не ответил. Морган подошёл к карте Арканты, висевшей на стене, и провёл рукой по её поверхности. Магия откликнулась, но карта не показывала ничего необычного. Всё было на своих местах. Кроме одного — Серебристая Пика пульсировала светом чуть ярче обычного, а за ней, далеко за горами, карта становилась пустой. Не обычной, а пустой. Будто там ничего не было.

— Найдите её, — бросил он в темноту. — Используйте всё. Шпионов, информаторов, старые связи. Узнайте, где она. И что происходит за горами.

Существа ему не ответили. Он был главой Золотого Дома и Правителем Арканты, поэтому его сила концентрировалась в материи, в том, что можно потрогать и измерить. Но он знал, что есть те, кто умеет видеть многое.

А в Сумеречной Пике Локри стоял у окна и смотрел на звёзды. Он тоже чувствовал, что что-то изменилось. Но он знал — что. Завеса пала. Та самая, о которой ходили легенды, в которые никто не верил. Затерянный мир, город Первых, Венец — всё это было не мифом. И она сейчас была там.

Локри закрыл глаза и вспомнил. Её волосы, рассыпавшиеся по подушке. Её дыхание, сбитое, горячее. Как она водила рукой по его груди, по шрамам, которые остались после пройденных битв, и каждая её ласковая нежность будто стирала боль. Как он медленно, почти неведомо был с ней, а мир в тот момент перестал существовать. Только она. Только их дыхание, их губы, их руки, которые не могли насытиться друг другом.

Но магия, их магия, не хотела уживаться. Он помнил, как его тьма рванулась к её свету, и вместо объятия произошло столкновение. Как воздух в комнате содрогнулся, зазвенел, будто кто-то ударил по самому большому колоколу. Как она замерла, а в её глазах мелькнула боль. Нет, не физическая, а та, что страшнее всего. Боль от понимания: они созданы друг для друга, но их магии этому противятся. Её свет таял под натиском его тени. Его тьма давила, гасила, забирала её. Но они продолжали, потому что так хотела Николетта, и потому что не могли остановиться. Потому что без этого не могли дышать.

— Невыносимая, — прошептал Локри в темноту. — Ты пошла туда одна. Ты не имела права оставить меня.

Он сжал руку в кулак. Под одеждой, на груди, пульсировал знак главы Сумеречного Дома — тёмный, холодный, привычный. Отказаться. Потерять силу, статус, саму суть того, кем он был. Ради неё. Локри уже знал ответ.

— Я приду, — сказал он звёздам. — Даже если придётся пройти сквозь завесу, которая не открывалась тысячи лет. Даже если это убьёт меня. Я приду за ней, надо только понять как это сделать.

Звёзды не ответили ему. Но Локри и не ждал ответа.

В Асвеллоре Николетта закрыла окно, задернула занавески из мягкой, похожей на паутину ткани, и забралась на лежанку. Пуш перебрался на подушку, вздохнул и затих.

— Спокойной ночи, Пуш.

— Спокойной ночи, Николетта. Завтра будет трудный день.

— Знаю.

Она закрыла глаза. Где-то на улицах всё ещё переругивались корвиты, кто-то пытался взлететь и не мог, кто-то ругал мост. А над Асвеллором зажигались звёзды. Не такие, как в Арканте, а ближе, крупнее, словно кто-то развесил светильники на самой крыше мира. И это было красиво. По-настоящему.

За горами, за пустошами, за гранью двух миров, Локри стоял у окна и смотрел на те же звёзды. Они казались ему сейчас чужими. Но он знал: где-то там есть мир, где она сейчас засыпает. И он сделает всё, чтобы найти туда дорогу. Даже если звёзды не подскажут путь.

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ПЕЧАТЬ

Николетта проснулась от того, что кто-то дышал ей в затылок. Она резко обернулась, и едва не свалилась с лежанки. На подушке, свернувшись калачиком, спал Пуш. Его дыхание было ровным и безмятежным. Но кто-то в комнате определённо дышал холодом. И пахло от этого кого-то сыростью, старым камнем и, как ни странно, лавандой — запахом, которого в Асвеллоре не было в принципе.

— Ты всегда так резко просыпаешься? — раздался голос из угла комнаты.

Николетта моргнула. В углу, там, куда не доставал утренний свет, мерцал полупрозрачный силуэт. Высокий, с длинными светлыми волосами, которые легко струились сами по себе. Лицо было бледным, черты — острыми, но не враждебными. Глаза цвета утреннего тумана смотрели на неё с любопытством и едва заметной усмешкой.

— Алир? — выдохнула Николетта, чувствуя, как сердце ухает в пятки, а потом начинает колотиться с удвоенной силой.

Хранитель древней столицы Арканты улыбнулся. Улыбка у него была странная, такая, какой улыбаются старым друзьям, которых не ждали, но очень хотели бы увидеть.

Алир и был её старым другом, хотя знакомство их нельзя было назвать обычным. В тот день, в подземельях спящего города, где магия умирала вместе с ним, она разбудила его. Своим страхом, своей кровью, своей отчаянной надеждой. А потом, в Колыбели, когда магия мира схлестнулась с магией её крови, именно Алир стал тем мостом, который соединил разорванное. Он помнил это. Она помнила это. И сейчас они оба были здесь.

— Во что ты опять ввязалась? — спросил он без всякого предисловия. Голос его звучал так, будто он сто лет ждал этого вопроса и наконец дождался.

Николетта села, натягивая одеяло. Не потому, что стеснялась призрака. После всего, что они пережили, стесняться было глупо. А потому, что утро в Асвеллоре было холодным, а дом, который ей выделили, хоть и был тёплым внутри, всё же пропускал свежесть с гор. Пуш заворочался, но не проснулся, только шумно вздохнул и перевернулся на другой бок.

— Ты знаешь, что задумал Морган? — спросила Николетта, и голос её прозвучал тише, чем хотелось бы.

Это был вопрос, который мучил всё время, пока она сидела на Земле, пила остывший кофе на Патриарших и смотрела на уток.

— Знаю, — Алир скрестил руки на груди, а его полупрозрачные пальцы на мгновение исчезли в рукавах. — Он становится безумным в своём желании приручить тебя. Точнее, твои возможности. Морган всегда считал, что мир — это механизм, которым можно управлять, если найти нужные рычаги. Ты для него — самый большой рычаг.

— Красивая метафора, — Николетта усмехнулась, но усмешка вышла горькой. — А Локри?

— Локри ищет путь в Асвеллор, — Алир поморщился, словно вспомнил что-то неприятное. — У него не получается. Завеса не пропускает никого, кто не нёс в себе искру Элары. Тени, его тени, бессильны. Он бесится. Ходит вокруг Колыбели Магии, требует ответов. Магия молчит. Знаешь, это зрелище почти жалкое. Почти.

— Алир...

— Не надо, — он поднял руку, останавливая её. — Я не затем пришёл, чтобы говорить о мужчинах, от которых у тебя сердце колотится, а разум молчит. Я пришёл сказать, что время вышло.

Николетта замерла. В комнате стало тихо, так тихо, что она услышала, как на улице корвиты уже начали возиться с котлами, и кто-то из них выругался, уронив крышку.

— Что значит, вышло? — насторожено спросила она.

— То и значит, — Алир проплыл ближе, и Николетта почувствовала, как температура в комнате упала ещё на пару градусов. Воздух стал плотным. — Морган уже отправил шпионов. Не тех, что шуршат по углам, а настоящих, тех, кто умеет видеть там, где другие слепнут. Он не знает об Асвеллоре, но он чувствует, что мир изменился. И он не успокоится, пока не узнает, куда ты исчезла.

— А Локри?

— Локри, это другая история, — Алир усмехнулся, но в усмешке его не было радости. — Он знает. Чувствует. И он придёт. Вопрос не в том, сможет ли он пройти завесу. Вопрос в том, застанет ли он тебя прежней или тебе придётся выбирать между ним и Венцом.

— Жестокий выбор, — прошептала Николетта.

— Жизнь вообще жестокая штука, — философски заметил Алир. — Особенно когда ты — наследница величайшей силы и знаний, которую хотят все, кому не лень. Ты бы видела, как твой отец смотрел на карту Арканты после того, как ты сбежала на Землю. Он постарел на десять лет за одну неделю.

Николетта опустила глаза. В груди что-то болезненно сжалось.

— Он не знает, что я здесь.

— Знает, — Алир покачал головой. — Не про Асвеллор. Про то, что ты жива. Он чувствует. Отец и дочь — это не только кровь, это магия жизни. Даже без Венца. Он каждую ночь смотрит на звёзды и ждёт, что ты вернёшься. Не к нему, к себе. И боится, что ты не вернёшься.

— Ты поэтому здесь? — спросила Николетта, поднимая голову. — Чтобы сказать мне, что я должна идти?

— Я здесь, чтобы сказать тебе то, что ты и так почувствуешь, — Алир подплыл к окну и посмотрел на водопад, который в утреннем свете казался жидким серебром, падающим в бесконечность. — Первая Печать принадлежит Эларе. Она находится в Серебристой Пике. У твоего отца. Ты должна её забрать.

— Это будет легко.

— Для тебя, да, — он обернулся, а в его туманных глазах мелькнуло что-то живое, почти человеческое. — Ты, наследница Элары. Её кровь течёт в твоих жилах. Её сила глубоко внутри тебя. Печать не будет сопротивляться. Она откроется сама, когда ты коснёшься её. Но это не значит, что путь к ней будет лёгким. Твой отец, — Алир сделал паузу, — он будет против. Не потому, что не верит в тебя. Потому что боится. Боится потерять. Боится, что ты повторишь судьбу Элары. Боится, что Венец сломает тебя. И он прав. Венец — это не сила. Это бремя. И если ты не готова нести его, он раздавит тебя.

— А если готова?

— Тогда ты станешь той, кем должна стать, — просто ответил Алир. — Но это уже не моя история. Это твоя.

Призрак начал таять, растворяясь в утреннем свете. Комната постепенно наполнялась теплом, но холод от его присутствия ещё держался, цеплялся за кожу, как память.

— Алир! — крикнула Николетта, вскакивая с лежанки. — Ты ещё вернёшься?

— Я всегда там, где ты, — донёсся его голос, уже едва слышный, похожий на шорох листьев. — Я — память, а память не умирает. Береги себя, наследница Элары.

Он исчез. В комнате снова стало тепло, и только лёгкий аромат лаванды напоминал о том, что разговор был не сном. Пуш открыл глаза, зевнул, потянулся и посмотрел на Николетту сонными глазами-росинками.

— Ты с кем-то говорила? — спросил он.

— С Алиром, — ответила она, натягивая штаны и зашнуровывая башмаки, сплетённые из странных корней, которые подарили корвиты. — Собирайся. Нам нужно в Серебристую Пикку.

— А завтрак? — жалобно спросил Пуш. — Шот обещал уху с летающей рыбой. Говорил, это его коронное блюдо. А коронное блюдо нельзя пропускать, это неуважение к корвитам.

— Там перекусим, — отрезала Николетта, но, увидев выражение его морды, вздохнула и добавила: — Возьмём с собой лепёшек. Шот не обидится.

— Шот обижается на всё, — пробормотал Пуш, но спорить не стал, только вздохнул с видом мученика, которого не понимают в этом жестоком мире.

Она не стала открывать портал отсюда. Это было слишком рискованно, да и неизвестно, возможно ли это вообще. Асвеллор был отделён от Арканты завесой. Вместо этого Николетта вышла из мира Первых там же, где вошла, через камень Хранителя, и уже оттуда открыла портал в свои покои.

Серебристая Пика встретила её тишиной. Не той уютной, домашней тишиной, которую она помнила. А тяжёлой, давящей, словно сама Пика затаила дыхание, ожидая чего-то. Стены, знакомые до каждой трещины в камне, показались чужими. Слишком правильными, слишком спокойными. Словно кто-то нарисовал их заново, но забыл добавить жизни.

В отцовском кабинете на столе лежала раскрытая книга, рядом стояла чашка с остывшим чаем. Николетта провела пальцем по краю чашки, он был холодным. Значит, отец пил здесь несколько часов назад, а потом ушёл. Не дочитав, не допив. Это было не похоже на него.

— Он в малом зале Совета, — сказал Пуш, спрыгивая с плеча. — Я чувствую. И он не один.

— Лияр?

— Да. Они спорят. Твой отец... он злится. Очень.

Николетта кивнула и двинулась по коридору, стараясь ступать бесшумно. Пол под ногами был холодным, и холод этот поднимался всё выше, пробираясь под одежду, заставляя кожу покрываться мурашками. Она толкнула тяжёлую дверь, и та открылась беззвучно, словно только и ждала её прихода.

Великий Торон сидел за столом, разложив перед собой свитки, которые, судя по смятым краям, он перечитывал уже не раз. Он выглядел так, словно не спал несколько ночей. Под глазами залегли тени, лицо заострилось, а на скулах играли желваки. Когда он увидел дочь, его лицо сначала вытянулось от изумления, а потом потемнело от гнева, такого тяжёлого, что воздух в зале сгустился.

— Николетта, — воскликнул он. Голос прозвучал так, что Пуш, который только что сидел на плече, мгновенно спрятался за её спину. — Где ты была? Ты должна быть в Центре. Твои занятия...

— Я пришла не за этим, — Николетта шагнула вперёд, чувствуя, как колотится сердце, но заставляя себя не отводить взгляд. — Папа, мне нужна Печать Элары.

Отец резко встал. Стул с грохотом отлетел назад. Он замер, глядя в сторону огромных окон, за которыми медленно плыл день, и Николетта видела, как он пытается взять себя в руки. Пытается, и не может.

— Откуда ты знаешь об этой книге? — спросил он наконец. Голос его был спокойным, слишком спокойным, как вода перед бурей. Но в нём появилось что-то, чего Николетта никогда не слышала. Страх.

— Алир сказал.

— Алир, — отец закрыл глаза. Его лицо на мгновение стало чужим, старым, измученным. — Страж Алира. Ты разбудила его, когда... — он не договорил, только провёл рукой по лицу, словно стирая невидимую боль.

— Папа, мне нужна Печать. Первая из семи. Без неё я не смогу...

— Зачем? — он шагнул к ней, а в его глазах была такая боль, что у Николетты перехватило дыхание. — Что ты задумала, дочь? Почему ты не в Центре? Где ты была всё это время? И

что это было во время Игр? Та сила, которая проснулась в тебе. Ты обязана научиться управлять ею! Она опасна!

— Я знаю, что она опасна, — тихо сказала Николетта. — Но я не могу рассказать тебе всего. Пока не могу.

— Не можешь или не хочешь? — он подошёл вплотную. Она увидела, как дрожат его руки. — Я твой отец, Николетта. Я имею право знать, куда идёт моя дочь. И во что она вляпалась.

— Я иду за Венцом, — сказала она, но слова эти повисли в воздухе, тяжёлые, как камни. — Чтобы пройти все Печати. Чтобы принять его.

— Венец? — отец отшатнулся, а в его глазах мелькнул такой ужас, что Николетта поняла, что этого не стоило говорить. — Ты не представляешь, о чём просишь. Это не игрушки, дочь. Венец — это бремя. Тот, кто принимает его, становится Хранителем Равновесия. И платит за это. Всегда.

— Чем платит? — спросила она, хотя уже знала ответ. Знала, но хотела услышать от него. Чтобы убедиться.

Отец обернулся. В его глазах стояли слёзы. Не те, что проливают при посторонних, а те, что копятся годами, чтобы выплеснуться в самый неподходящий момент.

— Собой, — прошептал он. — Своей жизнью. Своей свободой. Всем, что делает тебя тобой.

В дверях появилась Лиар. Она была в дорожном плаще, и по её лицу Николетта поняла, что она слышала достаточно. Верховная магиня стояла, опираясь плечом о косяк, и смотрела на брата с выражением, в котором смешались усталость и понимание.

— Торон, — сказала она тихо. — Ты не можешь запретить ей. Это её путь.

— Я могу! — рявкнул он. Его голос эхом разнёсся под сводами зала. — Я её отец! Я не позволю ей пожертвовать собой ради...

— Ради чего? — Лиар шагнула в зал. В её голосе появилась та твёрдость, которую Николетта знала по их тренировкам в Центре. — Ради мира? Ради будущего? Ради того, чтобы Арканта не повторила ошибок Первых? Ты сам учил меня, что долг Дому — выше личного. Ты сам говорил, что мы — не просто маги. Мы — хранители.

— Но не когда речь идёт о моей дочери! — он ударил кулаком по столу, и свитки разлетелись, закружились в воздухе уставшими птицами, а потом опали на пол, словно подстреленные.

Николетта стояла между ними, чувствуя, как внутри что-то сжимается — туго, до боли. Она знала, что отец прав в своём страхе. И знала, что Лиар права в своём понимании. Именно поэтому она решила показать им то, что обнаружила после ухода Алира. То, что поняла ещё вчера, глядя на звёзды Асвеллора.

— Папа, — сказала она тихо. — Я уже начала. Обратного пути нет.

Она подняла руку и коснулась волос. Те, кто смотрели внимательно, могли заметить, что там, где пряди падали на лоб, под ними мерцало тонкое, почти невесомое кольцо. Оно не было металлическим, скорее сотканным из света... Из того самого света, который она чувствовала в себе в Чёрных землях, когда её жизнь таяла под тяжестью оков. Оно опоясывало её голову, как нимб, но не сияло, а тихо, едва заметно пульсировало в такт её сердцу.

— Что это? — выдохнул отец. Его голос сорвался.

— Часть Венца Арканты, — сказала Николетта. — Первое кольцо. Я не знала, что оно во мне. Но проснулось только сейчас, когда я сказала «да», своему пути.

Отец смотрел на это кольцо-нимб, а в его глазах боролись страх, гордость, отчаяние и любовь. Такая огромная, что она, казалось, заполняла весь зал, не оставляя места ни для чего другого.

— Ты уже носишь её благословение, — прошептал он. — Или её проклятие.

— Ни то и ни другое, — Николетта подошла к нему и взяла за руку. Его пальцы были холодными и дрожали. — Это её завещание. И я должна его прочесть. Полностью. Не для мира, папа. Для себя. Чтобы понять, кто я есть. И кем должна стать.

Он молчал долго. Так долго, что Николетта начала слышать, как бьётся её собственное сердце, гулко, тяжело, как колокол на башне Алира. Потом он тяжело вздохнул, как вздыхают люди, которые сдаются не потому, что слабы, а потому, что поняли: бороться больше нельзя.

— Принеси книгу, — сказал он Лиар. Голос был глухим, но в нём больше не было злости. Только усталость. И надежда.

Фолиант в серебристом переплете оказался не таким, как Николетта ожидала. Это была не просто старая книга с пожелтевшими страницами. В её руках, она светилась, пульсировала тёплым, живым светом. Страницы, сотканые из чистого света, застывшего в форме текста, сами собой переворачивались, открывая слова, написанные на языке, который Николетта вдруг начала понимать.

И она поняла, что это не магия книги. Это её собственная кровь откликается. Её наследие. Её связь с той, кто создала Печать.

— Я оставлю вас, — сказала Лиар, выходя. — Торон, не мешай ей. Она должна услышать это одна.

Отец хотел возразить, но Николетта видела, как его пальцы сжались в кулаки, как напряглись плечи, после чего он смиренно вышел из зала.

Николетта открыла книгу, и едва её пальцы коснулись света страниц, как слова сами собой сложились в предложения, а предложения в историю. Ей не нужно было читать, слова вливались в неё, как вода в сухую землю, как свет в тёмную комнату. Как будто Элара говорила с ней напрямую, через тысячелетия, через смерть, через саму ткань бытия, которая держалась на её последнем дыхании.

— Я, обращаюсь к той, кто носит мою кровь и мою надежду. Ты родилась не для величия. Ты родилась для жизни. Для того, чтобы чувствовать, любить, ошибаться и вставать после падений. Не бойся своих ошибок. Они делают тебя живой. Меня называли богиней жизни, но я была просто той, кто отдавала. Я отдавала силу деревьям, чтобы они росли, и они выросли. Я отдавала дыхание зверям, чтобы они бегали, и они побежали. Я отдавала себя каждому живому существу, и в этом было моё счастье и моё предназначение. Аур ошибался. Сила, это то, чем делятся. Когда я умирала, я отдала последнее, что у меня было, — надежду. Надежду на то, что однажды появится тот, кто поймёт: жизнь не берут, её проживают. Ты не обязана спасать мир. Ты обязана только быть собой. Чувствовать. Любить. Выбирать. Даже если выбор будет страшным. Помни: я не проклинаю тебя своим даром. Я благословляю тебя своей смертью. Потому что смерть — это не конец. Это часть жизни. Как смена дня и ночи. Живи, дитя моё. Живи так, как я не смогла. И пусть твоя жизнь станет моим последним даром этому миру.

Страницы книги вспыхнули серебристым светом и начали превращаться в пепел, но пепел этот не падал на пол. Он поднимался вверх, кружился, сплетался в причудливые узоры и втягивался в кольцо-нимб на голове Николетты. Она чувствовала, как что-то меняется внутри неё. Не сила, нет. Понимание. Спокойствие. Принятие. Элара не требовала от неё жертв. Она просила только одного, жить. По-настоящему. Без страха. Без оглядки на чужие ожидания.

Когда последний лист истаял, в воздухе повис прозрачный камень. Он был чист, как слеза, и в нём, если присмотреться, можно было увидеть бесконечное движение — смену дня и ночи, рост деревьев, бег зверей, смену поколений. Вся жизнь Арканты, заключённая в крошечную каплю.

Камень медленно опустился и встал в кольцо-нимб, заняв своё место. Первый камень Венца Арканты пульсировал в такт её сердцу, и Николетта чувствовала, как что-то тяжёлое, но правильное опускается на её плечи.

Она открыла глаза. Отец смотрел на неё, а в его взгляде больше не было страха. Только гордость. И тихая, бесконечная любовь, которая не требует слов.

— Ты вернёшься? — тихо спросил он.

— Я должна, — ответила Николетта. — Ещё шесть Печатей.

— Я не буду тебя останавливать, — он подошёл и обнял её, крепко, как в детстве, когда она падала с лошади или боялась грозы. — Но знай: я всегда рядом. Что бы ни случилось. Где бы ты ни была. Я буду ждать.

Она кивнула, чувствуя, как слёзы жгут глаза, но заставляя себя не плакать.

— Папа, где Дима?

— В своих горах, — отец усмехнулся. В этой усмешке Николетта услышала что-то новое, не боль, а скорее облегчение. — Строит катки, рестораны, горнолыжные трассы. Говорит, что маги несчастные люди и им нужны развлечения. Лияр просила оставить мальчика в покое. У него своя миссия — напоминать магам, что есть жизнь за пределами магии.

— Лияр права, — Николетта улыбнулась. — Пусть строит. Ему это нужно. Ему нужно что-то своё. Передавай привет маме.

Она поцеловала отца в щёку, колючую, небритую, и шагнула к portalу, который уже разгорался белым светом за её спиной.

Вернулась она в Асвеллор в разгаре дня, когда споры местных существ набирали обороты, судя по крикам. Небо было необычно голубым, с розовыми прожилками, а водопады светились изнутри, как огромные светильники.

Пуш носился по поляне, взбудораженный встречей с сородичами, а Николетта сидела на крыльце своего маленького домика и смотрела, как светящиеся нити моста ведущего к архихонтам меняют свой цвет.

Кольцо на её голове теперь светило уверенно, ровно, спокойно. В нём мерцал прозрачный камень, первый из семи. Она коснулась его пальцами, и он отозвался теплом, не обжигающим, а уютным, как руки матери.

— Ну что, — сказал Пуш, запрыгивая к ней на колени и сворачиваясь клубком. — Первая Печать пройдена.

— Пройдена, — кивнула Николетта. — Осталось шесть.

— А ты не боишься?

Она посмотрела на водопад, на далёкие огни Асвеллора, этого странного, тёплого, живого мира, который стал её убежищем и её испытанием.

— Боюсь, — призналась она. — Но теперь я знаю, что страх, это тоже часть жизни. Элара это понимала.

— И что она тебе сказала? — спросил Пуш. В его голосе не было любопытства, только потребность понять.

— Сказала, что я не обязана спасать мир, — Николетта улыбнулась, глядя, как далеко внизу, в долине, корвиты зажигают свои огни. — Сказала, что я обязана просто быть собой.

— И это всё?

— И это всё, — она погладила его по тёплой шерсти, и он зажмурился от удовольствия. — Иногда этого достаточно.

Пуш вздохнул, устраиваясь поудобнее.

— Тогда завтра ищем вторую Печать?

— Завтра, — кивнула Николетта. — А сегодня, отдыхаем.

Она закрыла глаза. В кольце мерцал прозрачный камень, напоминая о том, что путь только начинается. Но теперь она знала, что идёт не одна. И что даже богини когда-то боялись, ошибались и плакали. И это делало их живыми. Как и её.

Где-то внизу, у котлов, Шот ругался с корвитами, доказывая, что его похлёбка должна вариться ровно столько, сколько он сказал, и ни минутой меньше. Где-то на мосту кто-то пры-

гал, а Форил кричал, что в следующий раз чинить не будет, и пусть все проваливаются в пропасть. Где-то в озере люминессы переливались радужным светом, наблюдая за небом.

Над Асвеллором медленно зажигались звёзды, не такие, как в Арканте, а ближе, крупнее, словно кто-то развесил светильники на самой крыше мира. И это было красиво. По-настоящему.

ГЛАВА 3. ТЕНИ, ТУДА НЕ ПРОХОДЯТ

Локри не спал третьи сутки. Это не было для него проблемой. Глава Сумеречного Дома мог обходиться без сна дольше, чем любой маг Арканты, если того требовали обстоятельства. Сейчас требовали.

Каждую ночь он закрывал глаза и видел её лицо, в тот момент, когда портал смыкался, а его пальцы соскальзывали с её запястья, оставляя на коже огненный след, который, как он знал, уже исчез, но который он всё ещё чувствовал.

Он стоял в центре зала теней, самого глубокого зала Сумеречной Пики, где даже в полдень царил полумрак, а стены были покрыты чёрным мрамором, впитывающим свет. Вокруг него клубились тени, послушные, привычные, сотканые из той самой тьмы, которая текла в его крови. Локри поднял руку, и тени послушно потянулись к нему, сплетаясь в плотный кокон.

— Найдите её, — приказал он. — Найдите путь в Асвеллор.

Тени дрогнули, заструились, устремились вверх, к потолку, где сходились в тёмную воронку. Локри чувствовал, как они прощупывают границы реальности, скользят по щелям между мирами, туда, где даже свет не проникает. Тени были везде. Тени могли всё.

Воронка сжалась, лопнула, и тени опали на пол, как мёртвые листья. Локри замер. Он ждал. Но ничего не менялось. Он попробовал снова, глубже, сильнее, вкладывая в приказ всю свою волю, всю ярость, всю боль, которая копилась внутри с того момента, как портал унёс её. Тени взметнулись, заметались, ударились в стены, в потолок, в пол, и снова опали. Бессильные. Слепые.

— Этого не может быть, — удивлённо прошептал Локри. В его голосе впервые прозвучало нечто, похожее на отчаяние.

Он вышел из зала теней и направился вниз. Туда, где под Сумеречной Пикой, глубоко в недрах Магической Башни, пульсировала Колыбель, источник всей магии Арканты.

Путь в Колыбель был долгим. Локри шёл по коридорам, которые помнили ещё первых архимагов, мимо статуй, чьи каменные глаза, казалось, провожали его с укором. Воздух становился плотнее, тяжелее, пропитанный тысячелетней магией, которая здесь, у самого источника, была живой.

Он спустился в огромный каменный зал, где над гладью подземного озера парил свет. Колыбель выглядела так же, как всегда, как тысячи лет. Идеально круглая, без единой ряби, вода в ней была не водой, а чистым светом, застывшим в жидкой форме. От неё исходило тепло, которое чувствовалось даже на расстоянии, и тихий, ровный гул, похожий на дыхание спящего зверя.

Локри опустился коленями на каменный выступ, нависающий над водой. Тени вокруг него сжались, притихли. Здесь, у источника, даже они вели себя тише обычного.

— Я знаю, что ты меня слышишь, — уверенно сказал он. Голос эхом разнёсся под сводами пещеры, отражаясь от стен, возвращаясь искажённым, чужим. — Я знаю, что ты видишь всё. Где она? Как мне пройти туда?

Магия молчала. Свет в Колыбели пульсировал ровно, спокойно, не реагируя на его слова.

— Я не прошу у тебя силы, — Локри сжал кулаки. — Я не прошу власти. Я прошу только дорогу. К ней.

В ответ стояла тишина. Только капли воды падали где-то в глубине, отсчитывая время, которое он терял здесь, пока она была там, одна, среди чужих существ, в мире, о котором никто ничего не знал.

— Ты отказываешь мне, — сказал он. В его голосе появилась злость. — Я служил тебе. Моя тьма питала твою глубину. Мои тени защищали твои границы. И ты отказываешь мне?

Свет в Колыбели дрогнул. На секунду, всего на секунду, вода потемнела, а в её глубине Локри увидел отражение. Не своё. Её. Николетта стояла на краю обрыва, смотрела на водопад. Ветер развеивал её каштановые волосы. Она счастливо улыбалась. Не ему, кому-то, кого он не видел, кому-то, кто был рядом с ней. И в этой улыбке было столько света, что у Локри перехватило дыхание.

Изображение исчезло. Вода снова стала светом, ровным, спокойным, безмолвным.

— Ты показываешь мне её, но не даёшь дороги, — Локри поднялся. Тени вокруг него взметнулись, заметались, ударяясь о стены пещеры. — Зачем? Чтобы я сходил с ума? Чтобы я знал, что она там, но не мог быть рядом?

Он ударил кулаком по камню, и мрамор треснул, разлетелся мелкими осколками, которые с тихим звоном упали в воду. Колыбель даже не вздрогнула.

— Я найду путь сам, — сказал Локри, поворачиваясь к выходу. — Даже если мне придётся разорвать этот мир на части.

Он ушёл, а тени потянулись за ним, оставляя Колыбель в её вечном, безмолвном покое.

Пока Локри пытался пробить невидимую стену, отделяющую его от Николетты, в Золотом Дворце царило другое отчаяние, более суетливое, более раздражённое, но не менее глубокое.

Морган сидел в кресле, которое его предки называли троном, и слушал доклады. Их было много, и все они были одинаково бесполезны.

— На восточных границах ничего, — докладывал первый шпион, низкорослый тип в сером плаще, чьё лицо тонуло в капюшоне. — Портовые города не видели её. Магические станции не регистрировали её перемещений.

— На западных землях тоже, — добавил второй, более упитанный, с лицом, которое легко терялось в любой толпе. — Серебристая Пика молчит. Великий Торон не выходит на связь, но слуги говорят, что он заперся в кабинете. Один. Верховная магиня Лиар тоже там. А Николетты нет.

— В Центре Магических Искусств её не было с тех пор, как она ушла, — отчитался третий, самый юркий, с бегающими, хитрыми глазами. — Преподаватели ничего не знают. Студенты, тем более. Соседка по комнате, Рина, говорит, что она уехала домой, но куда, этого она не знает.

— Уехала домой, — повторил Морган. В его голосе слышалось что-то, от чего все три шпиона синхронно сглотнули. — Домой. На Землю. И вы не можете её найти.

— Правитель, — первый шпион сделал шаг вперёд, — Земля, это другой мир. Наши методы там не работают. Мы можем отслеживать порталы, но если она открыла переход не через официальные каналы...

— Я знаю, что она открыла переход не через официальные каналы, — Морган подался вперёд, а свет в зале стал ярче и тяжелее. — Я чувствую, что она нашла путь туда, куда не ступала нога мага. Я уверен, что она сейчас в моей Арканте, но это недоступное нам место. И я хочу знать, как... Как она туда попала? Как мне туда попасть? Как я могу её вернуть?

Шпионы переглянулись. Второй, тот, что с лицом-невидимкой, осмелился подать голос:

— Правитель. Возможно, леди Николетта из Серебристой Пики не хочет, чтобы её нашли?

Морган посмотрел на него. Всего секунду. Этого хватило, чтобы шпион побледнел и попятился.

— Найти её, — сказал Морган. В его голосе не было сомнений, зато он тонул в ярости. — Используйте всё. Магию, подкуп, связи, угрозы. Переверните Арканту. Найдите тех, кто знает где она. Найдите её. Живой.

— А если она не захочет возвращаться? — спросил третий шпион, самый юркий, но, видимо, не самый умный.

— Тогда вы приведёте её силой, — Морган встал, и трон за его спиной вспыхнул золотым сиянием. — Она должна быть здесь. И она будет здесь. Даже если мне придётся сжечь этот мир, чтобы её вернуть.

Шпионы растворились в воздухе быстрее, чем тени Локри. Морган остался один. Он подошёл к карте, висевшей на стене, и провёл рукой по пустому пространству за горами. Там, где не было ничего. Или было всё.

— Где ты, Николетта? — прошептал он. — И почему ты не приняла меня? Магии наших Домов никогда не спорили между собой.

Карта молчала. Но Морган знал, что сама Николетта ответит ему за всё. Рано или поздно. Он заставит.

В Асвеллоре она проснулась от того, что кто-то тронул её за нос. Николетта открыла глаза. На подушке, свернувшись калачиком, сидел Шу. Крошечный элари с шерстью цвета утреннего тумана, и смотрел на неё с выражением крайнего нетерпения.

— Ты долго спишь, большая, — сказал он. — Шот уже всё сварил, а ты спишь.

— Который час? — спросила Николетта, садясь.

— Времени много, — Шу пожал плечами. — Но еда стынет. А Шот говорит, что еда, которая стынет, это преступление против него. И против корвитов. А корвиты — народ мирный, но когда их еда пропадает...

— Иду, иду, — Николетта натянула штаны и своё любимое худи, сунула ноги в башмаки, и выскочила на улицу.

Пуш уже ждал у котла, уминая вторую миску. Шот, главный корвит, сидел рядом и смотрел на Николетту с укоризной.

— Прospала, — констатировал он. — А говорила, что готова к Печатам.

— Я готова, — Николетта взяла миску. — Просто не знала, что в Асвеллоре завтрак в шесть утра.

— В Асвеллоре завтрак всегда, — Шот налил ей похлёбку из рыбы. — Если ты голоден. А если нет, то это повод накормить тебя, как только проголодаешься. Таков закон корвитов.

— Суровый закон, — заметила Николетта, делая глоток.

— Зато справедливый, — Шот подмигнул.

Они ели молча, глядя на водопад, который в утреннем свете переливался всеми цветами радуги. Где-то вдалеке корвиты чинили очередной мост, и их ругань звучала почти музыкально.

— Николетта, — сказал Пуш, отодвигая пустую миску. — Ты думала о том, где искать вторую Печать?

Она кивнула.

— Я готова, — Николетта встала. — Пуш, мы идём знакомиться с местными землями Первых.

— А завтрак? — жалобно спросил Пуш.

— Ты уже съел две миски.

— Это был первый завтрак. Второй будет через час.

Николетта закатила глаза, но улыбнулась.

— Успеем. По дороге перекусим.

Она подошла к краю обрыва, где открывался вид на долину, на парящие скалы, на мосты из света, на мир, который принял её. И подумала о том, кто ждёт её там, за гранью Асвеллора. Тоска начинала разедать внутри, требуя встретиться с ним.

— Я вернусь, — прошептала она ветру.

Ветер подхватил её слова и унёс вверх, к облакам, к звёздам, которые днём были не видны, но знали всё.

А где-то далеко, в Сумеречной Пике, Локри смотрел на ту же долину, которую видел только в отражении Колыбели, и ждал. Ждал, когда тени подскажут ему путь. Или когда он сам найдёт его. Любой ценой.

ГЛАВА 4. ВРЕМЯ, КОТОРОЕ ПОМНИТ

Утро в Асвеллоре было похоже на утро в мире, который не читал учебников по физике, но очень любил красоту. Солнце не вставало из-за горизонта. Оно просто становилось ярче, и парящие скалы начинали светиться изнутри, как огромные фонари, развешанные между облаками. Водопады звенели на разные голоса, а где-то в долине корвиты уже ругались, чиня очередной мост, который кто-то сломал, прыгая с утёса. Судя по интонациям, сегодняшний мост был особенно дорог чинившему, а прыгун, особенно тупым.

— Я ему говорил! — донёсся возмущённый вопль Форила. — Я говорил: не прыгай, мост новый! А он: «А я проверю»! Проверил, демоны его раздери!

Николетта усмехнулась и повернулась к карте, которую нарисовал для неё старый элари. Карта была странной. Линии на ней двигались, меняли цвет, а некоторые участки исчезали и появлялись снова, словно не могли определиться, существовать им или нет. Один угол карты вообще показывал какую-то кухню корвитов, и там что-то аппетитно дымилось.

— Это бесполезно, — сказала она, поворачивая карту так и сяк. — Здесь написано, что Земли Первых находятся за водопадом. Но там скала.

— Карта врёт, — авторитетно заявил Пуш, сидя у неё на плече и с тоской поглядывая на дымящийся угол. — Это чтобы проверить, достойна ли ты. Если поверишь карте — не пройдёшь. Если не поверишь — тоже не пройдёшь. Надо как-то иначе.

— И как же?

— Не знаю, — честно признался Пуш, отводя взгляд от кухни. — Я никогда там не был. Никто из элари не был. Это место для Первых. И для тех, кто готов умереть.

— Обнадеживающее начало дня, — Николетта сунула карту в сумку. — Пойдём, позавтракаем у Шота. Если умирать, то на сытый желудок.

— Вот это правильный подход! — оживился Пуш. — Шот говорит, что умирать на голодный желудок, это неуважение к корвитам. И к еде. И вообще к жизни.

Завтрак у Шота был, как всегда, избыточным. Главный корвит, видимо, решил, что перед опасным путешествием надо запастись энергией на месяц вперёд. Перед Николеттой высилась гора лепёшек, миска с чем-то, напоминающим творог, но светящимся голубым, и огромный кувшин сока из ягод, которые, по словам Шота, «бодрят так, что даже мёртвый встанет и пойдёт».

— Только не переборщи, — предупредил он, подливая сок. — А то будешь носиться по Землям Первых быстрее собственной тени. Или медленнее. Там время течёт необычно, сама понимаешь.

— Понимаю, — Николетта отодвинула третью лепёшку. — Шот, что ты знаешь о Риноне? Корвит задумался, почесал бороду всеми четырьмя руками и вздохнул.

— Ринон был... сложным. Он любил Элару. Все Первые её любили, но Ринон — по-своему. Он хотел подарить ей вечность. Чтобы время не касалось её, чтобы она всегда была молодой, и всегда рядом. Он создал эти земли, чтобы понять, как остановить время. Но время нельзя остановить. Можно только замедлить, исказить, сломать.

— Грустная история, — сказала Николетта.

— Все истории Первых грустные, — Шот подмигнул. — Поэтому мы, корвиты, предпочитаем истории про еду. В них всегда хороший конец. Или хотя бы вкусный.

Они вышли к границе, когда солнце уже набрало полную силу. Водопад был не самым большим в Асвеллоре, но, пожалуй, самым странным. Вода в нём падала не вниз, а вверх. Поднималась от земли к небу, закручиваясь спиралью, и исчезала в облаках, чтобы через миг родиться заново на вершине скалы.

У подножия, откуда, казалось, должен был начинаться путь, росла трава, переливающаяся светом, и стоял камень, покрытый письменами, которые при попытке прочесть начинали тоже светиться, а потом снова тускнели, словно не хотели открываться.

— Может, надо просто подойти? — предположила Николетта. — Как в старых сказках: сделай шаг, и откроется.

— В старых сказках обычно сначала надо победить дракона, — заметил Пуш. — А вообще, тебе нужно было сдать экзамен по теории магии.

— Ты на что намекаешь?

— Ни на что, — он спрятал морду в её волосах. — Просто напоминаю, что просто так ничего не даётся.

Николетта сделала шаг вперёд. Мир вокруг неожиданно дёрнулся. Это было единственное слово, которое пришло ей в голову. Мир дёрнулся, как киноплёнка, которую перемотали слишком быстро, а потом пустили заново, но не с того места. Скалы, которые только что были впереди, оказались сзади. Водопад, который падал вверх, теперь падал вниз, но вода в нём была не водой, а чем-то серебристым, тягучим, похожим на расплавленное время. Трава перестала переливаться и стала серой, мёртвой, а камни покрылись инеем, хотя воздух был тёплым.

— Пуш? — позвала Николетта.

Пуш сидел в траве, но его шерсть, которая всегда светилась серебром, стала тусклой, почти чёрной, а глаза превратились в две непроглядные тьмы.

— Я здесь, — сказал он. Голос прозвучал глухо, как из-под воды, застывшей на месте. — Это Земли Первых. Мы на месте.

— Почему так холодно? — Николетта поёжилась, хотя тело не чувствовало холода.

— Потому что здесь время течёт не так, как надо, — Пуш высунул голову, и шерсть на нём медленно, слишком медленно, начала светлеть. — Ринон, Второй из Первых, был хранителем времени и пространства. Говорят, он создал это место, чтобы тренироваться. И тренировался до тех пор, пока не сломал всё, что можно.

— И что теперь?

— Теперь здесь всё сломано, — Пуш огляделся. Вокруг них, в воздухе, висели осколки времени... куски дня, ночи, утра, полудня, спрессованные в прозрачные грани, которые мерцали, переливались, сталкивались друг с другом, рождая тихий, почти неслышный звон. — Время идёт то вперёд, то назад. Пространство закручивается, как старая верёвка. Если не знаешь, куда идти, можно бродить вечно. Или встретить себя вчерашнего. Или завтрашнего.

— А если встречу?

— Не знаю, — Пуш зажмурился. — Элари говорят, что лучше не встречать. Говорят, что тот, кто видит себя в прошлом, теряет будущее. А тот, кто видит себя в будущем, теряет настоящее.

Николетта двинулась вперёд. Земля под ногами была твёрдой, но каждый шаг отдавался эхом, которое возвращалось не с той стороны, откуда должно было. Иногда она слышала свои шаги за спиной, иногда — далеко впереди, иногда — с двух сторон сразу, и тогда казалось, что идёт не одна, а с целой армией своих отражений.

Они шли долго. Или не долго? Николетта перестала понимать время. Солнце, если это было солнце, висело в одной точке, не двигаясь, но его свет менялся, переливаясь от утреннего золота к полуденному серебру, к вечерней меди, к ночной синеве, и снова к золоту. Тени под ногами не слушались, они то убегали вперёд, то отставали, то закручивались спиралью, оставляя её стоять в центре пустоты.

— Пуш, сколько мы идём?

— Не знаю, — ответил он. — Может, час. Может, день. Может, секунду. Здесь это не имеет значения. Здесь имеет значение только то, что ты помнишь.

Они вышли на поляну, которая не была поляной. Это была круглая площадка из чёрного камня, идеально гладкого, отполированного до зеркального блеска тысячами. В центре её стоял обелиск. Высокий, узкий, пульсирующий тусклым синим светом, который то разгорался, то затухал, как дыхание спящего зверя. Вокруг обелиска, на равном расстоянии друг от друга, были высечены в камне символы — песочные часы, спираль, круг, который закручивался сам в себя, уходя в бесконечность.

— Это Печать? — спросила Николетта.

— Думаю, да, — Пуш прыгнул с плеча, но остановился на краю чёрной плиты. Его лапки дрожали. — Но что-то здесь не так. Слишком легко мы сюда добрались.

— Легко? — Николетта оглянулась на серые скалы, на мёртвую траву, на странное небо, которое не менялось с момента их прихода. — Ты называешь это легко?

— Для Земель Первых, да! — он огляделся, и его шерсть встала дыбом, засветилась тревожным алым. — Где ловушки? Где всё, что должно было нас убить?

Николетта открыла рот, чтобы ответить, но не успела. Время внезапно остановилось. Она не знала, как это описать. Просто всё вокруг перестало двигаться. Воздух застыл. Пуш замер на месте, его шерсть так и осталась вздыбленной, а глаза-росинки широко раскрытыми, и в них застыл ужас, который не мог выплеснуться наружу. Николетта пыталась пошевелить пальцем, но они не слушались. Она пыталась сказать хоть слово, но голос пропал, застряв где-то в горле, между ударами сердца, которые тоже, кажется, остановились.

А потом она увидела. Из тени обелиска начали выползать твари. Они были похожи на корвитов, но только на первый взгляд. У них не было лиц, только гладкая серая кожа, на которой проступали и исчезали очертания. Их лапы были длинными, скользили по камню, как змеи, оставляя за собой полосы инея, который тут же таял, превращаясь в пар. Они двигались медленно, но неумолимо, и все они смотрели на неё.

— Ты чувствуешь? — голос неожиданно возник у неё в голове. Не её, не Пуша, не Алира. Чужой, древний, холодный, как та пустота, что была до начала времён. — Ты чувствуешь, как здесь всё сломалось? Это я сломал. Когда понял, что время нельзя остановить. Что пространство нельзя скрутить так, чтобы оно никогда не распрямилось. Что даже Первые ошибаются.

— Ринон? — прошептала Николетта, и слова, на удивление, вышли. Время вокруг неё дрогнуло, но не потекло, только замерцало, как поверхность воды, в которую бросили камень.

— Я не Ринон, — ответил голос. — Я то, что от него осталось. Память. Боль. Ошибка. Он создал это место, чтобы понять время. Но время не хочет, чтобы его понимали. Оно мстит. Оно всегда мстит тем, кто пытается его обмануть.

Твари подползли ближе. Одна из них коснулась камня, и там, где её пальцы соприкоснулись с поверхностью, время потекло вспять. Травы, которая была серой, на секунду стала зелёной, потом бурой, потом чёрной, и рассыпалась в прах, который поднялся в воздух и застыл, не успев упасть.

— Зачем ты говоришь мне это? — спросила Николетта. — Если хочешь убить, убивай.

— Я хочу, чтобы ты поняла, — голос стал ближе, тяжелее, в нём появилось что-то, похожее на боль. — Время не терпит ошибок. Но оно терпит тех, кто их исправляет. Ты не должна была приходить сюда. Но ты должна была прийти сюда. Время запуталось в тебе. Как во всех, кто пытался его изменить. Ты несешь её кровь. Ты несешь её надежду. Я чувствую это. Боль от того, что её больше нет.

Твари замерли. Они смотрели на Николетту, а в их пустых лицах вдруг проступила тоска и одиночество.

— Я не хочу менять время, — сказала Николетта. — Я пришла за Печатью.

— Печать не даётся. Печать берётся. Но ты должна знать: забирая частицу времени, ты забираешь частицу того, что было. Ты станешь старше. Или младше. Или ни тем, ни другим.

Время не любит, когда его делят. Но оно помнит её. И помнит того, кого она любила. Поэтому я дам тебе шанс.

— Я готова.

— Ты не готова. Но время выбрало тебя. А я... я не могу отказать её наследнице.

Обелиск вспыхнул синим светом. В его центре, в пустоте между прошлым и будущим, появился камень. Тёмно-синий, почти чёрный, с мерцающими внутри звёздами. Он парил в воздухе, и Николетта поняла — сейчас или никогда.

Она сделала шаг вперёд. Твари молниеносно бросились на неё. Это был не просто удар. Это был удар временем. Николетта почувствовала, как её тело стареет на секунду, кожа становится дряблой, кости ноют, дыхание сбивается. Потом, молодеет, становится детским, беспомощным, и она упала, не успев сгруппироваться. Острая боль пронзила бок. Одна из тварей дотянулась до неё, разорвав кожу не когтями, а самой пустотой, которая была между секундами.

Кровь хлынула на чёрный камень, и окружающий мир замер. Не так, как в тот раз, когда время остановил Ринон. Иначе. Кровь Николетты, серебристая, светящаяся, текла по камню, и там, где она касалась поверхности, иней таял, трава оживала. А твари... твари замирали, а потом начинали таять, растворяясь в серебристом свете, который исходил от неё.

— Что... — прошептала Николетта, прижимая руку к ране.

— Это место узнало тебя, — голос Ринона стал тише, но в нём появилось что-то, похожее на улыбку. — Её свет. Он живёт в тебе. Я думал, что потерял её навсегда. Но она вернулась.

— Ты хотел меня убить.

— Я хотел проверить. Время не прощает слабости. Но ты не слаба. Ты достойна.

Обелиск раскололся, разлетаясь осколками, которые не падали, а застывали в воздухе, образуя причудливые узоры — часы, циферблаты, бесконечные спирали. Камень спустился в руку Николетты. Он пульсировал, а в малом венце на её голове вспыхнуло второе кольцо — тёмно-синее, с мерцающими внутри звёздами. Второй камень Венца Арканты начал парить и встал на своё место.

А потом голос Ринона зазвучал снова. Тихо, почти нежно, как ветер, который помнит, каким было утро в начале времён.

— Время не лечит. Оно просто идёт. А мы остаёмся. Те, кто любил, кто ошибался, кто пытался остановить то, что нельзя остановить. Моя любовь не спасла её. Но она спасла тебя. Потому что даже сломанное время помнит тех, кто был дорог. Иди. Живи. Никогда не пытайся остановить время. Просто будь в нём. Как она. Как я. Как все, кто когда-то верил, что любовь может всё.

С последним словом сознание утекало, и наступала тьма...

Николетта очнулась в доме. Пуш сидел на подушке рядом и смотрел на неё с таким выражением, что она сразу поняла: прошло много времени. Много по меркам Асвеллора.

— Сколько? — спросила Николетта. Голос прозвучал чужим, хриплым, словно она не говорила дни.

— Семь дней, — ответил Пуш. — Шот сказал, что ты не должна была выжить. Рана была магической. Время пыталось залечить её, но оно не могло определиться, в какую сторону ей затягиваться. То зарастало, то открывалось снова. Архихонты приходили. Смотрели. Говорили, что только кровь спасла тебя. Что Ринон узнал её. И отпустил.

Николетта провела рукой по боку. Шрам был гладким, но странным — он переливался, как осколок времени, застывший в её теле.

— Я слышала его, — сказала она. — Он говорил о ней. О том, что даже сломанное время помнит.

— Ринон любил Элару, — тихо сказал Пуш. — Все Первые её любили. Но он — больше всех. Он хотел подарить ей вечность. А получил только память.

Николетта коснулась Венца. Второе кольцо было холодным, но не неприятно. Оно хранило в себе время, которое не могло течь, но помнило всё.

— Третья Печать, — сказала она. — Где?

Пуш помолчал. Слишком долго.

— На Золотой Пике, — ответил он наконец. — На самом верху. Там, где Морган.

Николетта закрыла глаза. Она знала. Знала, когда решила принять Венец, что одна из Печатей будет там. Знала, когда сбегала от Локри, когда возвращалась на Землю, когда сидела на Патриарших и смотрела на уток. Знала, что рано или поздно придётся столкнуться. Знала, и избегала этого.

— Он будет ждать, — тихо сказала она.

— Он всегда тебя ждёт, — Пуш спрыгнул с кровати и встряхнулся, разбрасывая снопы искр. — Вопрос в том, готова ли ты.

Она села, чувствуя, как тело слушается, как рана тянет, но не болит. Семь дней. Она проспала семь дней, пока время решало, оставить её в живых или забрать. Но время выбрало жизнь. Потому что Ринон помнил. Потому что кровь Элары, текущая в ней, была сильнее слованных часов и мёртвых надежд.

— Готова, — сказала Николетта, вставая. — Скажи Шоту, что я иду завтракать. Если умирать, то на сытый желудок.

— Вот это правильный подход! — оживился Пуш. — Шот говорил, что ты это скажешь. Он уже варит рыбу. Говорит, что лучшую.

Николетта радостно улыбнулась новому дню своей жизни.

Они завтракали на крыльце, глядя на водопад, который в утреннем свете переливался оттенками жизни. Корвит сидел рядом, смотрел на них и довольно урчал, пока они потребляли его еду.

— Ты вернёшься, — сказал он не вопросом, а утверждением.

— Вернусь, — кивнула Николетта. — У меня ещё пять Печатей.

— И мужчины, — Шот подмигнул. — Двое. Которые будут ждать.

— Один будет ждать, — поправила она. — Второй будет охотиться.

— Разница невелика, — Шот пожал плечами. — И тот, и другой не отпустят. Вопрос только в том, кто догонит первым. И кто останется, когда ты наденешь Венец.

Николетта не ответила. Она смотрела на водопад, на парящие скалы, на мосты, которые корвиты чинили с утра до ночи. На элары, носившихся по поляне, на этот мир, который стал для неё больше, чем убежищем. И думала о том, что ждёт её там, за гранью.

Золотая Пика. Морган. Третья Печать.

— Я справлюсь, — сказала она, вставая.

— Знаю, — Шот подал ей сумку с припасами. — Поэтому и отпускаю.

Николетта шагнула в портал, который открылся как по приказу. Серебристо-белый свет обхватил её, унося прочь из Асвеллора, прочь от мира, который стал ей домом, туда, где ждала новая опасность.

А в Золотой Пике, в своих покоях, Морган стоял у окна и смотрел на звёзды. Он чувствовал, что она возвращается. Чувствовал, что что-то изменилось в его мире. Время сдвинулось, пространство дрогнуло. И он знал, что это сделала она. Только она могла заставить реальность подчиняться.

— Приходи, — прошептал он в темноту. — Я жду.

И впервые, магический мир не ответил ему. Но Морган и не ждал ответа. Он знал, что она придёт. Потому что Печать была у него. И она не могла её не взять.

А где-то в Сумеречной Пике, Локри смотрел на ту же карту, на то же пустое место за горами, которое больше не было пустым. Он чувствовал её запах — не магию, не свет, а её.

Живую, настоящую, ту, что оставила след на его коже, в его мыслях, в его тьме, которая теперь не хотела быть только тьмой.

— Я найду тебя, — уверенно сказал он.

Тени зашевелились, заструились, обещая помочь. Но Локри знал: в этот раз всё будет по-другому. Без теней. Без магии. И выбор, который они оба должны сделать.

ГЛАВА 5. ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

Портал вывел Николетту в самое сердце Золотой Пики, и первым, что она ощутила, был ветер. Он был не похож на тот, что ласкал кожу в Асвеллоре, напоенный горной свежестью. Этот ветер бил в лицо, холодный, солёный, пропитанный магией материи, что чувствовалась даже сквозь одежду.

Пуш, вцепившийся в её плечо, тихо выругался на своём наречии. Николетта не поняла слов, но интонация не оставляла сомнений — он был не в восторге.

— Тихо, — прошептала она, оглядываясь.

Золотая Пика оказалась не просто башней. Это был целый комплекс, вырастающий из скалы — террасы, шпили, мосты из золотистого металла, мерцающего даже в пасмурном небе.

Площадка, куда её выбросило, была самой верхней — круглый выступ из белого мрамора с золотыми прожилками, окружённый колоннами, что устремлялись ввысь, теряясь в облаках. Пол был выложен мозаикой. Здесь находился герб Золотого Дома, сцены побед, карты Арканты, которые, казалось, двигались, если смотреть слишком долго.

Перила, тонкое золотое кружево, ограждали площадку от непроглядной пропасти. А внизу, насколько хватало глаз, простиралась столица. Алир. Древний город, который Николетта когда-то разбудила своим упрямством. Теперь он жил обычной жизнью — огни, дома, шпили, маги, не ведавшие, что наверху, в этом царстве ветра и золота, вершится судьба их мира.

— Где Печать? — спросил Пуш, прижимаясь к её щеке.

— Я чувствую, — ответила она, закрывая глаза. Третий камень Венца пульсировал, и этот пульс вёл её, как тончайшая нить. — Печать где-то в центре. В самой вершине.

Они двинулись вперёд, туда, где колонны сходились в круг, образуя подобие храма. В центре круга стоял массивный постамент, из цельного куска золота, инкрустированный камнями, что переливались на свету. На постаменте, в небольшом углублении, покоилась Печать.

Она была не похожа на те, что они нашли раньше. Третий камень Венца был впаян в золото, пульсировал тусклым оранжевым светом, и Николетта поняла: его нельзя просто взять. Он был частью этого места. Частью силы Моргана. Частью самого Аура.

— Это Печать Аура, — прошептал Пуш. — Первого, кто правил материей. Его сила стала опорой Золотого Дома. Вот почему Морган так могуществен. Он не просто Правитель — он наследник той мощи, как и ты.

— Значит, забрать камень будет непросто, — тихо произнесла Николетта.

— Да, — Пуш поежился. — Аур сошёл с ума, когда потерял то, что считал своим. Морган может повторить его судьбу.

— Умницы. А ещё, это ловушка, — внезапно раздался голос за спиной. — И ты в неё попала.

Николетта обернулась. На краю площадки, у самой пропасти, стоял Морган. Она не слышала, как он появился — просто был, словно всегда там стоял, ожидая. Ветер трепал его тёмные волосы и одежду, как крылья хищной птицы.

Он был красив. Чрезмерно красив. Высокий, с широкими плечами, что, казалось, созданы, чтобы нести тяжесть целого мира. Тёмные волосы, падавшие на лоб, подчёркивали резкие скулы и волевой подбородок. Рубашка из тонкого льна была расстёгнута на несколько пуговиц, открывая грудь — широкую, мускулистую, покрытую едва заметными шрамами, которые не портили, а делали его ещё опаснее. Он был воплощением мужской силы, власти, красоты, что не согревает, а обжигает. Красоты хищника, не знающего жалости.

В его золотых глазах, горящих, как расплавленный металл, не было тепла. Только собственность. Только та тоска, что он называл любовью.

— Девочка моя, — тихо сказал Морган. — Я знал, что ты придёшь.

— Я пришла не к тебе, — ответила Николетта, сжимая кулаки от досады.

— Конечно. Ты пришла за моей Печатью, — он шагнул вперёд. Ветер, казалось, усилился, завывая в колоннах. — Но это одно и то же. Моя Пика. Моя сила. Всё, что здесь, принадлежит мне.

— Печать Аура не принадлежит тебе. Она принадлежит Арканте. Ну, на крайний случай Асвеллору. Это завещание Первых.

— Миру? — Морган усмехнулся, а в этой усмешке было что-то, от чего у Николетты похолодело внутри. — Этот мир принадлежит мне, Николетта. Я Правитель. Я устанавливаю законы, вершу судьбы. А ты хочешь забрать то, что делает меня тем, кто я есть?

— Ты Правитель, — сказала Николетта. В её голосе не было страха, только холодная, спокойная уверенность, которая, казалось, резала его золотую магию острее любого клинка. — Светский владыка. Ты управляешь городами, армиями, налогами. Ты держишь в руках материю этого мира — его материальные драгоценности, его законы, его границы.

— Этого достаточно, — Морган усмехнулся, но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на неуверенность. — Власть, это власть.

— Нет, — она покачала головой, и в этот момент первые венцы над её головой проявились и вспыхнули ярче, заставив тени на площадке замечаться. — Власть бывает разной. Твоя — светская. Она держится на договорах, на мечях, на золоте. А есть магическая сторона мира. Она не подчиняется коронам магов. Она не спрашивает разрешения у Правителей.

Морган шагнул к ней, но она не отступила. Наоборот — встала прямо, глядя ему в глаза.

— Я вижу, моя дорогая, что ты получила уже достаточно, чтобы стать проблемой, — хищно улыбаясь, Морган смотрел на её Венец, состоящий из наследия двух Первых.

— Венец Арканты, — сказала Николетта, и каждое её слово падало в тишину, как камень в воду, расходясь кругами по неподвижной глади, — не имеет отношения к твоему трону. Он не даёт права судить, казнить, объявлять войны. Он не делает меня Правительницей. Он делает меня Хранительницей.

— Хранительницей чего? — он усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Равновесия, — ответила она. — Магия Арканты была разделена Первыми, а потом искажена, когда Аур убивал своих братьев и сестёр, забирая их силу. Великое Слияние, соединило магию заново, но не завершило. Венец, это последний ключ. Без него Слияние не будет полным.

— И что с того? — Морган скрестил руки на груди. Его золотая магия сгустилась вокруг него, как броня.

— А то, что магия бунтует, — она сделала шаг вперёд. Её серебристый свет ударил в его золотую стену, заставляя искриться. — Ты же чувствуешь это. Порталы открываются с трудом. Заклинания не всегда работают. Тени выходят за границы. Стихии сходят с ума. Это не просто так, Морган. Это магия Арканты требует завершения. Она требует соединить Венец, и подарить миру покой.

— И ты думаешь, что Венец даст тебе власть надо мной? — он шагнул к ней. Его голос стал низким, опасным.

— Я не хочу власти над тобой, — она решила не отступать. — Я хочу, чтобы мир не рухнул. Венец, это не корона Правителя. Это бремя. Тот, кто его принимает, становится не властелином, а слугой. Слугой равновесия. Слугой жизни, смерти, времени, судьбы, воли, знания и материи. Он не правит, он удерживает баланс. Не берёт, а отдаёт себя, соединяя все магии.

Николетта замолчала, но в тишине, которая наступила, был слышен только ветер, завывающий в колоннах. Он шагнул к ней, и она отступила, упёршись спиной в холодный постамент. Теперь он был так близко, что она чувствовала жар его тела, слышала его дыхание, видела каждую золотую искру на его коже.

— Ну, что ж! Видимо, время пришло! Ты должна узнать, что я приготовил для тебя, — прошептал он. Его голос стал зловеще низким, вкрадчивым. — Я умею ждать. Я умею терпеть. Я умею добиваться своего. И я получу тебя, Николетта. Не потому, что ты захочешь. А потому, что будешь хотеть меня, жадно, нестерпимо. Рано или поздно. Я сделаю так, что ты сама придёшь ко мне. Лекарство, для тебя, почти завершено. Требуется ещё немного времени.

— Никогда, — выдохнула она.

— Уже сейчас, — он провёл пальцем по её щеке, и она вздрогнула, но постамент не пускал. — Ты чувствуешь это, да? Наши магии... они не враждуют. Они тянутся друг к другу. Свет Аура и свет Элары. Материя и жизнь. Они созданы, чтобы быть вместе. Как и мы.

Николетта чувствовала это. Золотая магия, тяжёлая, плотная, окутывала её, и серебристый свет внутри неё не сопротивлялся — он тянулся, переплетался, искал соединения с ним, и предавал её. Это было противоестественно. Отвратительно. Но тело не вняло разуму.

— Ты не сможешь заставить меня, — прошептала она, ненавидя себя за дрожь в голосе. — Ты покупаешь женщин, Морган. Платишь им золотом, властью, обещаниями. А потом выбрасываешь, когда надоест.

— Ты права, — он наклонился. Его губы почти коснулись её уха. — Тебя нельзя купить. Тебя можно только завоевать. И я завоюю. Я сделаю так, что ты сама захочешь меня. Будешь умолять. Будешь ласкаться, как дикая кошка, нашедшая тёплое место. И ты даже не заметишь, когда это случится.

— Ты болен, — выплюнула она.

— Я влюблён, — он усмехнулся, но в этой усмешке не было нежности, лишь холодная, циничная уверенность. — Разница невелика. И то, и другое — одержимость. Но моя одержимость имеет цель. Ты будешь моей, Николетта. И твой Венец, тому доказательство. Ты должна быть подконтрольна мне.

Он отстранился, и она вздохнула, сама не заметив, что задержала дыхание от ужасающих слов Моргана. Его пальцы сжали её подбородок, заставляя смотреть в глаза.

— А знаешь, что самое забавное? — сказал он. В его голосе появилась та ленивая, опасная насмешка, которую она ненавидела больше всего. — Я как раз этим сейчас и занимаюсь. Тем, чтобы ты захотела. Каждое моё слово, каждое прикосновение — это не просто желание обладать. Это путь, по которому ты идёшь, сама того не замечая. Ты уже на полпути.

— Ты ошибаешься, — она рванулась, но он держал крепко.

— Проверим, — он отпустил её и отступил на шаг, скрестив руки на груди. — Хочешь Печать? Забирай. Но ты знаешь, что это значит. Аур создал этот камень, когда понял, что материя — не просто вещи. Это основа всего. Без него твой Венец неполный. А без меня ты его не получишь.

— Я заберу его сама.

— Попробуй.

Она шагнула к постаменту, но в тот миг мир взорвался. Золотая магия хлестнула по площадке, и Николетта почувствовала, как её собственная сила отвечает. Не сопротивляясь, а сплетаясь, создавая вихрь, который закружил их обоих. Материя и жизнь столкнулись и не оттолкнулись... Они слились, затягивая в бешеном танце, от которого у неё перехватило дыхание.

— Чувствуешь? — крикнул Морган. В его голосе звучало торжество. — Мы созданы друг для друга, Николетта! Твоя магия жаждет моей так же, как моя — твоей! О-о-о! Это будет великолепно! Думаю, в постели я узнаю о тебе очень много интересного, моя дорогая. Возможно, я даже откажусь от других женщин.

Её тело рванулось, жалкое подобие попытки разорвать оковы безумия, но магия, источник её силы, не подчинялась. Внутри неё серебристый свет, сущность её рода, пел, маниакально

тянулся к золоту, и это было невыносимо. Она ненавидела себя за это влечение, ненавидела магию, ненавидела предательское тело, которое шло против воли разума.

— Отпусти! — вырвалось криком, и в этом звуке заключилась такая ярость, что даже вихрь вокруг нее содрогнулся.

— Отпустить? — его смех, резкий и ледяной, разорвал воздух. — Нет, дорогая. Я только начал. Броня Серебристого Дома вот-вот растает. Если бы не она, я бы уже давно распластал тебя под собой. И брал бы каждую минуту, пока ты не признаешь мою власть над собой.

Он щёлкнул пальцами. Из воздуха, словно живые, возникли золотые цепи, сотканые из чистейшей материи, и сомкнулись вокруг её запястий, лодыжек, шеи. Она пыталась вырваться, но это было тщетно. Цепи были не просто магическими, они были реальны, воплощены в жизнь той силой, что Морган, Аур, каждый из Золотого Дома, вложили в этот мир.

— Ты — моя пленница навечно, Николетта, — злобно пророкотал Морган, приближаясь. — Или станешь моей парой. Выбирай.

— Никогда, — прошептала она. Голос был едва слышен, от понимания его ужасающей правды.

— Не спеши, — он коснулся её разбитой губы. Николетта отшатнулась, но цепи держали крепко. — Я подожду. Я умею ждать. И я знаю, что придёшь ко мне сама. Твоё тело уже желает. Твоя магия уже тянется. Осталось лишь сломить твою гордость.

Он наклонился, его губы почти коснулись её, но в последний миг Морган отстранился.

— Знаешь, что самое страшное в Чёрных землях? — прошептал он, словно делись сокровенной тайной. — Там нет магии. Нет сил. Только ты. И пустота. Я построил для тебя комнату из камня, который добывают там. Будешь сидеть в ней, думать, вспоминать. Вспоминать, как твоя магия тянулась к моей. Как твоё тело дрожало, когда я был рядом. И ты поймёшь, что бороться бессмысленно.

Снова раздался щёлчок пальцев. Магия Золотого Дома мгновенно поглотила её.

Николетта очнулась в комнате, больше напоминающей гробницу. Стены, пол, потолок — всё было из чёрного камня, того самого, что добывали в Чёрных землях, где умирала всякая магия. Камень был гладким, отполированным до зеркального блеска, и отражал её собственное лицо — бледное, с опухшей губой, с волосами, слипшимися от запекшейся крови и солёных слёз.

Комната была большой, но казалась удушающе тесной. Стены давили, поглощали тусклый, болезненно-жёлтый свет, что с трудом пробивался из единственного источника, вделанного в потолок. Свет не грел, не освещал, лишь подчёркивал мёртвую пустоту.

В центре комнаты стояла кровать. Огромная, из чёрного бархата, расшитого золотыми нитями, что в этом безжизненном свете казались извивающимися змеями. Шёлковое постельное бельё было угольно-чёрным, холодным на ощупь.

Рядом стоял столик из того же камня, на нём кувшин с водой и кусок хлеба. Всё остальное — пустота. Ни окон, ни дверей, которые можно было бы открыть. Только чёрные стены, отражающие её собственное, искажённое страхом лицо.

— Пуш? — позвала Николетта, но голос прозвучал глухо, словно эхо в пустом колодце.

Никто не ответил. Пуш исчез. Она была одна.

Николетта медленно подошла к стене, провела рукой по холодному, податливому камню. Он был живым, она чувствовала это. Он дышал, пульсировал, впитывал в себя её силу, её тепло, её жизнь. Магия внутри неё замерла, свернулась, спряталась, не в силах противостоять этой древней, ненавидящей всё живое пустоте.

Она опустила на кровать, чувствуя, как холодный шёлк обжигает кожу, и закрыла глаза. В голове билась одна навязчивая мысль: она должна выбраться. Должна найти способ. Должна выжить.

ГЛАВА 6. КРОВЬ, НЕ ВОДА

Чёрный камень не пропускал магию. Не пропускал свет. Не пропускал надежду. Николетта сидела на краю огромной кровати, обхватив колени руками, и смотрела на своё отражение в полированной стене. Та, кто смотрела на неё оттуда, была бледной, с разбитой губой, с тёмными кругами под глазами, с волосами, которые слиплись от крови, засохшей на виске. Она была похожа на пленницу. На жертву. На ту, кто сдалась.

— Нет, — прошептала она. — Я не сдамся.

Она встала. Стены давили, потолок нависал, пол уходил из-под ног, но она заставила себя идти. Вдоль стены, вокруг кровати, снова вдоль стены. Камень был холодным, гладким, и в нём, как в зеркале, отражалась её собственная беспомощность.

На столике стоял кувшин с водой и хлеб. Морган не собирался морить её голодом. Он собирался ломать её медленно, день за днём, час за часом, пока от её гордости не останется ничего, кроме пустоты, которую он заполнит собой.

Николетта взяла кувшин. Керамика была холодной, шершавой, и в этой шершавости, в этой грубости вдруг появилось что-то, чего не было в полированном камне. Жизнь. Сделанное руками. То, что нельзя создать магией.

Она сжала кувшин. Пальцы побелели. Керамика не поддавалась. Она сжала сильнее, и он треснул. Вода хлынула на пол, и Николетта, не думая, схватила осколок. Кровь выступила мгновенно — яркая, серебристая, светящаяся в этом мёртвом свете, как последняя надежда.

Она смотрела, как капли падающие на чёрный камень, и вдруг вспомнила. Ринон. Его голос, который звучал в Землях Первых: «Кровь Элары сильнее многих». Кровь Элары текла в ней. Кровь той, кто создавала жизнь, кто отдавала себя до последней капли. И эта кровь не боялась пустоты.

Николетта опустилась на колени, провела пальцем по лужице, которая собиралась на полу, и начала рисовать. Знак, который когда-то показал ей Алир. Знак связи между Пиками. Древний, забытый, но живущий во всех Пиках Магической Башни, в памяти тех, кто был до неё.

Знак получился кривым, неровным, но когда она закончила, он вспыхнул. Не золотом, не серебром, а цветом жизни, цветом того, что не может погасить даже камень Чёрных земель.

Стена треснула. Не громко, не эффектно, просто по чёрной глади побежала тонкая, едва заметная трещина, а в неё, как вода в песок, начала втягиваться её кровь.

Камень таял, стена становилась тоньше, прозрачнее, пока Николетта не увидела по ту сторону, не золото, не тьму, а тусклый, живой свет. Она шагнула в трещину, и мир перевернулся.

Локри практически не спал с момента как Николетта ушла в странный портал, туда, куда ему не было хода. Он стоял в зале теней, глядя на карту, которая висела на стене, и чувствовал, что она где-то рядом, но скрыта кем-то от мира, или сама скрыла себя.

А потом стена в его покоях треснула. Он не понял, что произошло, но неожиданно в камне, который был частью Сумеречной Пики, появилась трещина, и из неё, как из раны, просочилась кровь. Серебристая, светящаяся, живая. Её кровь.

— Николетта! — он рванулся вперёд, и она упала в его руки. Лёгкая, как перо, и тяжёлая, как вся её боль, которую он чувствовал кожей.

Она была в крови. Своей, засохшей и свежей, на лице, на руках, на одежде, которая висела лохмотьями. Губа была разбита. На виске виднелась запекшаяся рана. А глаза, которые он помнил такими живыми, такими светлыми, сейчас смотрели на него с болью, с облегчением, с победой и желанием жить.

— Ты... — начал он, но она прижала свои тонкие пальцы к его губам.

— Молчи, — едва шевеля губами, прошептала Николетта. — Просто... молчи.

Локри замолчал. Он держал её, чувствуя, как дрожит всё тело, как колотится её сердце. Он не отпускал. Не мог.

— Кто это сделал? — процедил Локри сквозь зубы. Вокруг витала только ярость, которую он сдерживал из последних сил.

— Ничего, — ответила она. — Я сбежала. Сама.

— Сама? — он посмотрел на её руки, изрезанные осколками, на её лицо, в котором не осталось ничего от той Николетты, которая смеялась на Земле, в той комнате, где они были близки, где он чувствовал её дыхание на своей коже. — Ты пустила свою кровь, чтобы выбраться? Где же ты была?

— Это сработало, — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой, и кровь снова потекла по подбородку.

Локри поднёс её руку к своей щеке. Он нежно смотрел на неё, но в его глазах боролись любовь и ярость, нежность и бешенство, желание обнять и желание разнести всё вокруг.

— Ты могла умереть, — сказал он тихо.

— Но не умерла.

— Ты могла потерять сознание в той трещине, и никто бы не нашёл тебя. Ты могла истечь кровью, прежде чем я понял, что происходит. Ты могла...

— Локри, — она положила руку ему на грудь, и он замолчал. — Я здесь. Я жива. Этого достаточно.

Он смотрел на неё. Его дыхание сбивалось, и руки дрожали, а тени вокруг них метались, как змеи, которых потревожили в гнезде.

— Сядь, — заботливо сказал он. — Дай посмотреть.

Она опустилась на край его кровати, а он, словно притянутый неведомой силой, встал перед ней на колени. Его пальцы, касаясь её лица, шеи, рук, порхали над кожей, почти неведомые, залечивая царапины и раны. Когда же его пальцы коснулись живота, она вздрогнула, и он замер.

— Что это? — выдохнул он, отодвигая край разорванной рубашки.

На её теле, ниже рёбер, светился странный шрам. Он был гладким, но в то же время переливался, словно осколок времени, навсегда застывший в её коже. Серебристый, синий, золотой – все цвета мира, сплетённые воедино, и в этом неземном сиянии было что-то древнее, непостижимое, то, что он чувствовал каждой фиброй своей души.

— Вторая Печать, — прошептала Николетта. — Земли Ринона. Меня там ранили, но кровь спасла. Ринон узнал её. И отпустил.

— Ринон... — имя повисло в воздухе, и Локри сжал кулаки. — Ты ходила к Ринону. Одна. Без меня. Ты чуть не умерла. И ты хочешь, чтобы я спокойно смотрел на это?

— Я не хочу, чтобы ты спокойно смотрел. Я хочу, чтобы ты понял: это мой путь.

— Твой путь?! — он вскочил. Тени вокруг него взметнулись, словно испуганные птицы, ударились в стены, заметались, как звери в клетке. — Это смертельный риск, Николетта! Ты собираешь Печати Первых! Ты идёшь туда, где тебя ждёт гибель! Ты режешь себя, лишь бы сбежать, и приползаешь ко мне в крови, говоря, что это твой путь?!

— Локри...

— Нет! — он ударил кулаком по стене. Камень стены дал трещину. — Я не позволю! Ты не вернёшься туда! Ты останешься здесь, где я могу тебя защитить, где...

— Где ты будешь решать за меня? — она встала, ощущая, что сила возвращается в обычное состояние. Её голос, слабый, хриплый, внезапно обрёл твёрдость. — Как Морган? Как все, кто считает, что знают, что для меня лучше?

Локри замер. Его кулак всё ещё был прижат к стене, а по камню стекала кровь. Не её, его собственная, пролитая в слепом гнев.

— Морган? А причём здесь он? Это от него ты бежала? И как давно ты пленница Золотой Пики? — негодование просто гремело в его голосе, оно бурлило и сносило всё на своём пути.

— Пару часов. Локри, но ты не Морган, — сказала она тихо. — Ты не такой. Не становись таким.

— Я не могу потерять тебя, — прошептал он. В его голосе не осталось и следа ярости. Только вселенская боль. — Я не могу этого допустить. Ты требуешь, чтобы я сделал то, чего не в состоянии допустить. Не могу, тебя потерять.

— Тогда не теряй, — Николетта медленно шагнула к нему, коснулась его разбитых пальцев. — Но не пытайся меня удержать. Если я останусь здесь, если откажусь идти за Печатями, Морган получит Венец. Он знает о нём. И тогда ты потеряешь меня в любом случае.

— Я найду другой способ.

— Другого способа нет. Я узнавала. У магии свои законы. Мы не дети. Мы маги. Ты сам так говорил.

Локри смотрел на неё, а в его глазах было столько боли от беспомощности, что у неё перехватило дыхание.

— Тогда я пойду с тобой.

— Не можешь.

— Могу! — он схватил её за плечи. Она почувствовала, как дрожат его пальцы. — Я пройду сквозь завесу. Уничтожу всё, что встанет на пути.

— Вопрос состоит не в завесе Асвеллора, Локри. Дело в том, что твоя магия убьёт мою, — сказала Николетта, и он замер. — Ты знаешь это. Твои тени гасят свет. А мой свет плавит тени. Мы не можем быть вместе там, где магия решает всё.

— Тогда мы будем без магии, — он прижался лбом к её лбу, и она чувствовала его дыхание на своих губах. — На Земле. Как тогда...

— Тогда ты чуть не убил меня, — прошептала она. — Своей любовью. Своей тьмой.

Он отшатнулся. В его глазах было столько отчаяния, что она тут же пожалела о своих словах. Но это была правда. И они оба это знали.

— Оставь меня, — тихо сказала она, ощущая, что их магии начинают конфликтовать. — Мне нужно отдохнуть, и подумать.

— Николетта...

— Оставь!

Локри смотрел на неё долго, после чего развернулся и вышел. Дверь за ним закрылась настолько тихо, что она не услышала. Его тени метнулись за ним, как верные псы, провожающие хозяина.

Николетта опустилась на кровать, вдыхая знакомый, такой родной запах. Его запах, который она не могла забыть, и закрыла глаза от усталости.

Локри стоял в коридоре, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрел на свои руки. Они были в её крови. Он поднёс их к лицу, вдыхая. Этот запах, её запах, заполнил лёгкие, давно стал частью его, как и она сама.

Локри не знал, сколько простоял так, когда почувствовал его. Тяжёлое, властное присутствие, которое не было магией, но было сильнее. Он поднял голову.

В конце коридора, в тусклом свете магических светильников, стоял зверь. Огромный, серо-серебристый, с глазами, которые горели адским огнём. Он был колоссален, но двигался бесшумно, как тень. В его движениях была та хищная грация, которая не оставляла сомнений: это не просто зверь. Это страж. Её Хранитель. Тот, кого она призывала, когда ей было страшно.

— Зеф, — произнёс Локри, а его голос прозвучал глухо. — Не поверишь, но я рад тебя видеть.

— Я почувствовал её ужас и кровь, — ответил зверь. Голос был низким, вибрирующим, как раскат грома. — Она открывала древнюю руну Магической Башни между Пиками, чтобы

выбраться. Это подвластно только Главам Домов. Значит, Золотой Дом брал её в плен. Это нарушение закона. И ты позволил этому случиться.

— Я не знал.

— Ты должен был знать, — Зеф шагнул вперёд, а пол под его лапами дрогнул. — Ты связан с ней. Ты чувствуешь её так же, как и я. Ты просто не хотел чувствовать. Был занят поиском.

Локри сжал кулаки от злости, от обжигающей истины.

— Серебристый, что ты делаешь в моей Пике?

— Забираю её, — Зеф подошёл вплотную. Его глаза смотрели на Локри без ненависти, но и без жалости. — Она не может оставаться здесь. Твоя тьма гасит её свет. Ты делаешь ей больно, даже когда любишь.

— Я не отдам её, — Локри шагнул вперёд, а его тени взметнулись, готовые к бою. — Она моя!

— Она ничья, — Зеф не сдвинулся с места, но голос его стал вкрадчивым, опасным. — Она наследница, и уже носит часть Венца. Она не принадлежит ни тебе, ни Моргану, никому, кроме самой себя. И ты это знаешь.

— Я знаю, что люблю её.

— Любишь? — Зеф усмехнулся. От этой усмешки у Локри замерло сердце. — Твоя тьма убивает её свет. Каждый раз, когда вы рядом, она становится слабее. Каждый раз, когда ты приближаешься, её магия гаснет. Ты хочешь для неё смерти? Или хочешь, чтобы она стала такой же тенью, как ты?

— Я не...

— Ты не выбирал свою тьму, — перебил его Зеф. — Я знаю. Но ты выбираешь, что с ней делать. Хочешь держать Николетту при себе, и наблюдать, как она угасает? А можешь отпустить, чтобы она стала той, кем должна стать!

— А если она не вернётся? — спросил Локри. В его голосе звучала лишь невыносимая боль.

— Вернётся. Обязана вернуться, — Зеф взглянул на него. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на сочувствие. — Если ты отпустишь. Если докажешь, что любишь её больше, чем свою тьму.

Он развернулся и направился к покоям Локри, но на полпути остановился.

— Её кровь, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты собрал её. Зачем?

Локри молчал. Затем поднял руки. На пальцах всё ещё была её кровь — засохшая, тёмная, но всё ещё живая. Он собрал её, каплю за каплей, и заморозил магией, превратив в крошечный алый кристалл, который теперь покоился у него на ладони.

— Чтобы всегда знать, где она, — сказал он. — Пока она жива, этот камень будет светиться.

Зеф долго смотрел на кристалл. Затем кивнул.

— Умно, — сказал он. — Для главы теней. Но помни: кровь — это не только связь. Это и долг. Если она позовёт, ты обязан будешь прийти. Даже, если это убьёт тебя.

— Я приду, — Локри сжал кристалл в кулаке. — Всегда.

Зеф ушёл, а Локри остался стоять посреди коридора, чувствуя, как камень на его ладони пульсирует в такт её сердцу. Она была там. Живая. Его. И не его.

Николетта спала. Ей снился Асвеллор. Не тот, который она знала. Другой. Древний, где парящие скалы ещё не были построены, а водопады падали в пустоту, не зная, куда течь. В центре этого мира, на плато Либриса, стоял храм, и в храме, на семи обелисках, покоился Венец.

Она подошла к нему. Венец засветился, запел, заговорил с ней голосами тех, кто был до неё. Элара. Ринон. И третий — Аур. Его голос был тяжёл, как золото, и в нём не было ни боли, ни раскаяния. Только сила, которая ждала своего часа.

— Ты придёшь, — сказал он. — Ты придёшь за мной. И тогда ты узнаешь, что такое материя. Что такое власть. Что такое цена, которую платят за право создавать миры.

— Я не боюсь, — прошептала Николетта.

— Бойся, — ответил Аур. — Бойся того, кем ты станешь, когда возьмёшь мою силу. Бойся того, что ты должна будешь отдать, чтобы её удержать.

Она протянула руку, и третий камень, золотой, пульсирующий, как живое сердце, выскользнул из обелиска и полетел к ней. Она поймала его, и мир взорвался светом.

Николетта открыла глаза. В комнате было темно, и только один огонёк горел на столике — алый кристалл, который пульсировал в такт её сердцу. Она улыбнулась, понимая, что этим Локри просит разрешения. Он решил хранить её кровь. Так он всегда будет знать, где она. И это было не страшно. Это было правильно. Поэтому она добавила в него своей магии, что являлось разрешением.

За дверью послышались шаги. Она закрыла глаза, чувствуя, как сон снова затягивает её в свою глубину. Завтра она скажет ему, что уходит. Завтра она пойдёт за третьей Печатью. А сегодня, пусть будет здесь. Пусть Локри будет рядом. Пусть он хранит её кровь, как она хранит его в своём сердце.

ГЛАВА 7. ТА, КТО ПОНЯЛА ТЬМУ

Николетта очнулась от ощущения чужого взгляда. Комната была погружена во мрак, но она точно знала — он здесь. Не Локри. Другой. Она распахнула глаза. В углу, там, куда не проникал тусклый свет единственного светильника, стоял Зеф. Огромный, цвета серого серебра, с глазами, горящими точно угли, которым не суждено погаснуть. Он не шевелился, но его присутствие обволакивало комнату, сгущая воздух до почти осязаемой плотности.

— Ты проснулась, — сурово произнес Зеф. — Хорошо. Нам нужно поговорить.

— О чем? — спросила Николетта, садясь. Тело ныло, губа саднила, но где-то глубоко внутри, в самой сути ее существа, горел неугасимый огонь, который не смог потушить даже камень Черных Земель.

— О твоих намерениях, Летта, — Зеф ступил вперед, а пол под его мощными лапами дрогнул. — Ты захочешь получить Печать Сумеречной Пики.

— Да.

— Знаешь ли ты, где она сокрыта?

— Нет. Но узнаю.

Зеф долго смотрел на нее. Затем кивнул, и в этом движении промелькнуло нечто, похожее на уважение.

— Печать здесь, в подземелье, — произнес он. — Глубже, чем ты можешь себе представить. Там, где тени сгущаются до плотности стен. Там, где Локри... — он замолчал, а в глубине его глаз мелькнула тень, напоминающая жалость. — Там, где Локри хранит то, что не может уничтожить. Иди. Я пойду с тобой.

Николетта встала. Пуш спал на подушке, свернувшись уютным клубком, и она не стала его тревожить. Это был ее путь.

Подземелье Сумеречной Пики разительно отличалось от всего, что она видела прежде. Здесь не было ни сырости, ни плесени, ни мерцающего мха. Здесь царила тьма. Плотная, тяжелая, она давила на плечи, на грудь, на глаза, превращая каждый шаг в тяжелое испытание.

Зеф шел впереди. Его серебристая шерсть излучала в этой бездне единственный свет, подобный ничтожной искре надежды. Древние, искусно выкованные факелы, чье пламя горело без дыма, были развешаны на стенах через равные промежутки, но их свет лишь подчеркивал глубину тьмы, делал ее более осязаемой, живой.

— Что здесь хранится? — спросила Николетта.

— Всё, что питает Сумеречную силу, — ответил Зеф, не оборачиваясь. — Всё, что составляет его сущность.

Они шли долго. Ступени уходили все глубже. Факелы на стенах мерцали ровно, не мигая, и их свет вычерчивал тени, которые жили своей таинственной жизнью, сплетались и расплетались, словно наблюдая за ней.

И вот они вышли в огромный зал. Его своды терялись в непроглядной темноте, пол простирался до бесконечности, и лишь стены, испещренные тенями, напоминали о том, что она все еще находится в подземелье.

В центре зала, на возвышении из камня, стоял обелиск. Он был очень похож на тот, что находился в Землях Ринона, но не синий, пульсирующий временем, а абсолютно темный. Пугающе черный, а в его сердцевине, там, где в обычном обелиске сияли бы звезды, зияла пустота.

— Печать Сумеречной Пики, — произнес Зеф. — Наследие, оставшееся от седьмого Первого. Того, кто породил тени.

— Но это же седьмая Печать, — Николетта сделала шаг назад. — Она должна быть последней. Я ещё слаба, чтобы принять её.

— Ей и суждено стать последней, — Зеф взглянул на нее. В его глазах читалось предостережение. — Но сейчас ты должна ее увидеть. Осознать. Решить, пойдёшь ли до конца.

Друг отошел в сторону, пропуская ее к стене. Но это была не просто стена. Она была живой. Тысячи теней извивались, сплетались, перетекали друг в друга, рождая образы, которые жили, дышали, страдали.

Николетта увидела битвы, древние, кровавые, где тени одолевали свет, и свет уступал. Увидела смерти тех, кто нес эту тьму до Локри. Кто не смог совладать с ней, кто рассыпался в прах под ее непосильной ношей. Увидела боль, такую всеобъемлющую, такую древнюю, что у нее перехватило дыхание.

А затем она увидела его. Локри. Он стоял в центре этой бездонной тьмы, и тени ползли к нему, впитывались в его кожу, становились частью его. Он не сопротивлялся. Он принимал. И в этом безмолвном принятии было нечто, заставившее Николетту сжаться.

— Он не выбирал эту тьму, — произнес Зеф за ее спиной. — Она сама выбрала его. Как тебя избрал свет. Как Моргана выбрала материя. Как это случается со всеми, кому суждено нести в себе частицу Первых.

— Как он не сошел с ума? — прошептала Николетта. — Как возможно вынести столь безмерную боль?

— Потому что он помнит, — Зеф подошел ближе. — Он помнит, что в нём существовало до Сумеречного Дома. Он помнит любовь. Этого достаточно. Порой.

Николетта смотрела на стену. В её сознании билась одна навязчивая мысль: как ему удалось сохранить себя? Как можно нести в себе столько боли, столько смерти, столько отчаяния и не превратиться в чудовище? Ответ пришел сам собой. Он не превратился, потому что не желал этого. Потому что каждый день, каждую минуту, каждую секунду он делал выбор в пользу света. Её света.

— Ты здесь, — раздался родной голос за её спиной, и Николетта обернулась.

Локри стоял в проходе. Мир вокруг замер, будто затаив дыхание. Она смотрела на него, не в силах противиться силе этого мгновения. Свет факелов обтекал его фигуру, оживляя каждую линию, каждую тень, что пряталась в глубине складок его одежд. Он был красив той редкой, гипнотической красотой, что не мелькает на поверхности, а врезается в самое сердце, оставляя выжженный след, который не стереть никаким забвением.

Высокий, широкий в плечах, сужающийся в бёдрах. Его тело было создано для долгих переходов, для владения мечом, когда даже руки, изнывающие от усталости, обретают недюжинную силу. Она знала эту силу, чувствовала её дрожь, когда он обнимал её, когда его пальцы сжимали её запястья, когда он прижимал к себе так тесно, что весь мир исчезал, растворяясь в одном лишь его дыхании, его жаре, его тьме, что обволакивала, но не душила.

Светлые пряди волос ниспадали небрежно, и она хотела провести по ним пальцами, почувствовать их струящийся шёлк. Она помнила этот шёлк, как тонули в нём её пальцы, как пряди падали ей на лицо, когда он склонялся к ней, как щекотали кожу, когда он шептал её имя.

Его скулы, острые, точно выточенные, таили в своей резкости что-то от грации ночного хищника, опасного, неукротимого. Но стоило ему поднять взгляд на неё, как в его глазах эта хищность угасала, оставляя лишь то, что он так тщательно прятал от всего мира: нежность и безмерное желание.

Николетта смотрела в эти глаза, и видела в них отражение всего: своей бесконечной тоски, своей дерзкой надежды, своей немыслимой потребности в нём. Они были холодны, эти глаза. Но она знала: стоит ей сделать шаг навстречу, и ледяной панцирь треснет, высвободив жар, сжигающий её дотла каждый раз, когда он взглядом касается её, когда его губы находят её губы, когда его дыхание прерывается, и он шепчет её имя, как молитву, как единственное, что имеет значение.

Шрам, тонкой белой нитью прочерченный над левой бровью на смуглой коже, придавал его лицу не идеальность, а завораживающую живость. Губы, чётко очерченные. Она знала их вкус — горьковатый, как полынь, и сладкий, как мёд, смешанный с дымом.

Она помнила, как он целовал её в ту ночь на Земле, когда мир рухнул, и остались только они, их прерывистое дыхание, их тела, не знающие насыщения и тянущая боль от магии теневика. Его губы скользили по её шее, по ключицам, по груди, и она выгибалась навстречу, чувствуя, как его язык ласкает её кожу, как его зубы сжимаются, оставляя след, который она носила потом, тайно, как драгоценный талисман.

Он был прекрасен. Слишком прекрасен для того, кто носил в себе столько тьмы. Слишком прекрасен для того, кто мог одним взмахом разрушить всё, чего касался. Слишком прекрасен для неё — для той, чей свет таял в его тенях.

— Тебе не следовало этого видеть, — спокойно произнес Локри. В его голосе не было ни тени злобы. Только бесконечная, всепоглощающая усталость.

— Я должна была, — искренне ответила Николетта. — Хочется понять, какое бремя ты носишь. Чем тебе приходится платить за свою силу.

— И поняла?

— Да.

Он уверенно и спокойно шагнул к своей женщине. Тени вокруг него ожили, заструились, потянулись к ней, но он остановил их одним движением руки, и они не напали.

— Теперь ты знаешь, почему я не мог постоянно быть рядом с тобой, — тихо произнес Локри. Его голос едва доносился до нее. — Моя тьма убивает твой свет. Это суровая истина. Каждый раз, когда я рядом, ты слабеешь. Каждое мое прикосновение гасит твою магию.

— Я знаю.

— И ты все еще хочешь забрать эту Печать? — он кивнул на обелиск. — Ту, что сделала меня таким, какой я есть?

— Я должна.

— Нет, — он шагнул вперед. Тени вокруг него взметнулись, закружились, завывали. — Ты должна остановиться! Мы можем уйти в другой мир. Вместе.

— Уйти? — она посмотрела ему в глаза. В этом взгляде было столько боли, столько любви, столько отчаяния, что он замолчал. — Остаться без магии? Это не жизнь, Локри. Это смерть. Медленная, мучительная, бессмысленная.

Он смотрел на нее. В его глазах отразилась усталость и понимание.

— Локри, — она подошла к нему. — Ты должен это увидеть.

Николетта подняла руку и коснулась своего лба. Там, где под волосами мерцал Венец, он вдруг стал видимым. Два сплетенных кольца и камни. Полупрозрачные, пульсирующие. Два камня, которые горели светом жизни Элары и временем Ринона. Они были прекрасны. Они были страшны. Они были её судьбой.

— Назад пути нет, — сказала Николетта. — Я уже начала, и не могу остановиться. Даже если захочу.

Он с удивлением и восхищением посмотрел на не завершённый Венец. В его глазах боролись любовь и боль, нежность и отчаяние, желание удержать и понимание, что её удержать теперь нельзя.

— Ты уйдешь, — прошептал он. — Ты уйдешь, и я не смогу тебя защитить.

— Но я вернусь, — она коснулась его лица. Он закрыл глаза, чувствуя ее пальцы на своей коже.

Локри открыл глаза, но в них не было больше усталости. Только она. Только её свет, который горел в его тьме, как последняя звезда на черном небе.

— Тогда возьми её, — сказал он, кивнув на обелиск. — И помни: я не жалею. Ни о чём.

— Ещё не время. Печать Сумеречного Дома седьмая, последняя. Нельзя нарушать магический порядок. Сейчас я её не выдержу, — спокойно ответила Николетта.

— Я не могу тебя отпустить, — начал он, но она прижала пальцы к его губам.

— Ты можешь всё, — тихо сказала Николетта. — Ты носишь эту тьму, но при этом ты остался собой. Ты выбрал свет, Локри, даже когда он казался недостижимым.

Она замолчала, а потом повернулась к своему мерцателю и другу Зефу.

— Оставь нас. Отцу ничего не говори. Ты меня не видел.

Её хранитель мгновенно растворился в серебристом портале, унося с собой данное обещание и тайну, что он был одним из первых, кто увидел Венец Арканты, пусть и несовершенный.

Она коснулась лица Локри. Её пальцы были горячими, его кожа — холодной, и в этом контрасте было что-то, что заставило их обоих забыть, где они, кто они.

— Легта, — прошептал он.

В этом шепоте было всё. Боль, которую он носил. Любовь, которую он прятал. Надежда, которую он не смел иметь. И желание, которое сносило всё на своём пути.

Она поцеловала его. Сначала нежно, почти невесомо, а потом сильнее, глубже, отчаяннее, вкладывая в этот поцелуй всё, что не могла сказать словами.

Тени вокруг них зашевелились, закружились, создавая стены, которые защищали их от всего мира. Факелы на стенах вспыхнули ярче. Их свет отражался в камне, создавая узоры, которые жили своей жизнью, танцевали, пели.

Локри подхватил её, и она обвила ногами его талию, чувствуя, как его руки сжимают её, как его губы скользят по её шее, по ключицам, к тому месту, где билось её сердце. Она откинула голову назад, волосы рассыпались по плечам, ловя свет факелов.

— Я хочу тебя, — прошептала она. — Сейчас. Здесь.

Локри замер. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на сомнение.

— Здесь? — переспросил он, в голосе не было прежней уверенности. — В этом месте? Где всё, что я ненавижу, всё, что я прячу, всё, что делает меня таким, какой я есть?

— Да, — она коснулась его лица, и он закрыл глаза, чувствуя её пальцы на своей коже. — Потому что здесь, это ты. Без маски. Без теней, которые ты постоянно контролируешь. Я хочу тебя таким.

Локри смотрел на неё долго и улыбался. А потом его руки скользнули под её рубашку, и она почувствовала, как его пальцы касаются её кожи, гладят, ласкают, поднимаются выше, к груди, которая вздымалась от каждого его прикосновения.

— Ты дрожишь, — прошептал он.

— От тебя, — ответила она.

Неторопливо он стянул с неё одежду, и она осталась перед ним обнажённой. В полумраке её тело казалось высеченным из света — серебристое, трепетное, до боли настоящее. Он провёл пальцами по изгибам её плеч, по гладкости рук, по нежной коже живота, и она выгнулась, чувствуя, как его прикосновения обжигают, как её тело тает под его взглядом.

— Ты прекрасна, — прошептал Локри. В его голосе было нечто такое, что заставило её дыхание прерваться. — Всегда была. Но сейчас...

Он медленно наклонился. Его губы нежно коснулись вершин её груди. Она впиалась ногтями в плечи, ощущая, как его язык скользит по её коже, как его губы сжимаются, подчиняя её тело каждому своему движению.

Николетта растегнула его рубашку, он помог ей, и когда ткань упала на пол, она прижалась к нему, чувствуя его кожу на своей, его жар, его дыхание, его желание.

Магия вокруг затихла, словно боялась нарушить этот миг. Венец из двух колец вспыхнул, отчётливо проступив, и неуловимо уравновесил потоки их силы, чтобы один не властвовал над другим.

Локри сел на широкий топчан, притянув её к себе, и она оказалась у него на коленях, лицом к лицу. Её колени согнулись и обхватили его узкие бёдра. В этой позе не было ни спешки, ни суеты — только то, что древнее самого времени. Его руки легли на её спину, прижимая к себе, и она чувствовала, как каждый миллиметр его кожи касается её кожи, как его дыхание обжигает её губы, как его тяжёлый взгляд, полный той самой тьмы, которая больше не пугала, — прожигает её насквозь.

Она медленно опустилась на него, и воздух вокруг них сгустился, замер, превратился в хрусталь. Когда он вошёл, мир перестал существовать, создавая общий для них двоих мирок. Не было подземелья, не было теней, не было боли. Только он. Его дыхание, его шёпот, его пальцы, сжимающие её бёдра, его губы, ищущие её губы...

Она начала двигаться сама, медленно, чувствуя, как его руки направляют её, но не управляют. Каждое движение рождало волну удовольствия, которая расходилась от низа живота до самых кончиков пальцев, заставляя забывать, кто она, где она, зачем она здесь.

Локри смотрел затуманенными глазами. В его взгляде было всё — его любовь, его отчаяние, его надежда и их общая жизнь. Она встретила этот взгляд и не смогла отвести свой. В его тёмных глазах она видела отражение себя — растрёпанную, раскрасневшуюся, с полуоткрытыми губами, с волосами, которые рассыпались по плечам и падали на его грудь. Там же она видела свою любовь, которую он носил в себе так долго, что она стала частью его, как кровь, как дыхание, как сама тьма, текущая в его жилах.

Его лицо было напряжённым, не от усилия, а от той предельной, почти невыносимой полноты, когда чувства становятся слишком огромными, чтобы их можно было удержать. Брови чуть сдвинуты, между ними залегла морщинка, которую она хотела разгладить пальцами, но не могла, потому что её руки вцепились в его плечи, и каждое движение, каждое биение их сердец, слившихся в единый ритм, требовало всей её силы, всего её внимания, всей её жизни.

Она видела, как его губы приоткрываются, как дыхание сбивается, как на скулах играют желваки, когда он сдерживает то, что рвётся наружу. Его глаза не отпускали её. Они были влажными — не от слёз, которых он не позволял себе, а от того, что даже тени не могут скрыть, когда любовь становится слишком тяжёлой. В глубине этих глаз она видела себя — не ту, кем она была, а ту, кем она становилась в его взгляде. Желанной. Нужной. Единственной.

— Смотри на меня, — прошептал он, и это было не просьбой, а приказом, который она приняла как милость.

Её пальцы скользнули с его плеч на лицо, обхватили его щёки, почувствовали лёгкую щетину, которая колола кожу, и это маленькое неудобство было таким живым, таким настоящим. Их лбы коснулись, и в этом прикосновении было больше близости, чем в самом акте их слияния. Их дыхание смешалось, стало одним — горячим, сбивчивым, прерывистым.

Она смотрела в его глаза, и они не отпускали. В них она видела, как разгорается серебро, как в глубине вспыхивают искры, как его зрачки расширяются, захватывая её целиком. Она видела, как на его лице стирается всё, что он носил годами — маска спокойствия, холодная усмешка, отстраненность, которой он защищался от мира. Оставалось только то, что он прятал ото всех: нежность и страсть, которую он сдерживал так долго, что она стала огнём, пожирающим его изнутри. И любовь — бесконечная, невозможная, отчаянная.

— Я чувствую тебя, — прошептала Николетта. Эти слова были не о том, что она знает, а о том, что она понимает. Принимает его таким, какой он есть.

Сильные мужские руки скользнули по её спине выше, прижимая так, что между ними не осталось воздуха, только кожа к коже, только биение сердца, которое отдавалось в её груди, как эхо. Он двигался в ней, а она двигалась на нём, и их глаза не расставались ни на секунду.

Она видела, как его лицо меняется, как напряжение сменяется блаженством, как блаженство переходит в нечто большее, то, что не имеет имени, что можно только чувствовать, переживая каждую секунду как вечность.

Её тело выгнулось, и она увидела, как его глаза вспыхивают чистым, ослепительным светом, который был сильнее любой тьмы. В этом свете она увидела себя — не отражение, а суть. Ту, ради которой он готов был потерять всё. Ту, ради которой он находил себя снова и снова.

— Я люблю тебя, — прошептал Локри, и это были не слова, а молитва, надежда, вся его жизнь, которую он отдавал ей, ничего не требуя взамен.

Его глаза были открыты, и в них она видела всё — его прошлое, его настоящее, его будущее, которое теперь принадлежало ей. Его расслабленное лицо было беззащитным, и в этой беззащитности была такая красота, что у неё оборвалось дыхание.

— Я знаю, — выдохнула она.

И в этот миг напряжение, скопившееся внутри, достигло предела. Разрядка прокатилась по её телу медленной, тягучей волной — от самых кончиков пальцев, сжимающих его плечи, до самой сердцевины, где их магии сплетались в безумном, невозможном танце. Волна накрыла с головой, заставила выгнуться, замереть, а потом раствориться в нём, в его руках, в его дыхании, в его тьме, которая на этот миг стала светом.

Он кончил вместе с ней, а тени вокруг них замерли, и мир замер, и время остановилось, даруя им эту секунду, этот миг, эту вечность. Сплетённые, они не двигались, не могли. Её лоб всё ещё касался его лба, дыхание смешалось в одно. Его глаза медленно прояснялись, и в них, как в зеркале, она видела своё отражение — счастливое, свободное, живое.

— Ты здесь, — прошептал Локри, и это было утверждением.

— Здесь, — ответила она. — И никуда не уйду. Не сейчас.

Локри открыл портал и, не размыкая объятий, перенёс её в свои покои. Он опустился с ней на кровать, а она устроилась у него на груди, слушая, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, будто они не враги по магии.

— Наши силы не примирились, но и не сражались, — тихо сказал Локри, перебирая её волосы. — Я заметил: они стояли в ожидании.

— Незавершенный Венец уже уравнивает их, — ответила Николетта. — Я должна продолжать.

Локри обнял её крепче, и она почувствовала, как его дыхание становится ровнее, как тело расслабляется. Он засыпал, а она смотрела на него, на этого мужчину, в котором жила тьма, способная поглотить целые миры, но который остался собой. Который выбрал свет. Который выбрал её. Она поцеловала его в губы, тихо, почти невесомо, и прошептала:

— Я вернусь.

Он, конечно, не услышал этих слов. Но она знала, что где-то глубоко, там, где жили тени, он это знал. И верил.

ГЛАВА 8. ПЕЧАТЬ МАТЕРИИ

Утро в Сумеречной Пике было похоже на утро в мире, который никогда не знал солнца. Свет, если это можно так назвать, проникал сюда сквозь магические стекла, вделанные в стены, и этот свет был холодным, неживым.

Николетта открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, привыкая к мысли, что она не в Золотой Пике, не в чёрной гробнице, а здесь, в безопасности. Рядом, на подушке, всё ещё спал Пуш, свернувшийся клубком.

Локри не спал. Он сидел в кресле у окна и внимательно смотрел на неё. Она видела это по напряжённым плечам, по тёмным кругам под глазами, по тому, как его пальцы сжимали подлокотники. На столике рядом с ним лежал алый кристалл, пульсирующий ровным, спокойным светом. Её кровь. Её разрешение.

— Ты давно не спишь? — спросила она, садясь. Тело болело, но внутри, на душе, был покой.

— Я боялся, что если засну, ты исчезнешь, — ответил Локри. В его голосе не было ни упрёка, ни мольбы. Только усталая, бесконечная правда.

Она встала, подошла к нему, взяла кристалл в руки. Он был тёплым, живым, и в его глубине она чувствовала себя — не магию, не силу, а ту самую суть, которую Локри хранил бережнее, чем собственную тьму.

— Я должна идти, — легко произнесла она.

— Знаю.

Он резко поднялся, было видно, как его раздражает её заявление. Они стояли друг напротив друга, разделённые не пространством, а тем, что было сильнее любых расстояний. Её свет и его тьма. Их магии, которые не хотели уживаться. И их сердца, которые не могли быть порознь.

— Я отправлюсь с собой, — уверенно сказал Локри. В его голосе не было просьбы. Было требование, которое он не мог сдержать.

— Нет, — она коснулась его лица, чувствуя, как под пальцами напрягаются желваки. — Ты чувствуешь это? Когда ты рядом, моя магия слабеет. Не потому, что ты делаешь что-то не так. Просто... так устроен наш мир. Свет и тьма не могут быть вместе, когда магия решает всё. Если ты пойдёшь со мной, я не смогу получить остальные Печати. Я стану слабее. И не выдержу испытаний.

Он сжал кулаки. Николетта увидела, как тени вокруг него закружились, заволновались, чувствуя его боль.

— Я не хочу, чтобы ты уходила одна. Это опасно.

— Я не одна, — она улыбнулась и кивнула на Пуша, который уже проснулся и смотрел на них с любопытством. — Со мной Пуш. И там, в Асвеллоре, меня ждёт друг — старый элари, корвиты и другие существа. Ты бы видел этих корвитов, Локри. У них четыре руки, и они варят уху из летающей рыбы. Представляешь? Рыба летает, а они её ловят. И ругаются так, что мосты дрожат. А один из них, Форил, три дня чинил мост, а потом кто-то прыгнул с утёса и сломал его. Форил орал на весь Асвеллор. Я думала, он лопнет от злости. Но потом он успокоился и принёс мне амулет, чтобы я не топала. Они там смешные.

Локри слушал, а тени вокруг него постепенно успокоились.

— Элари?

— Да, — продолжала она. — Это такие же пуши, как мой, только их много. Целый народ. Они носятся по полям, светятся, дарят друг другу ягоды. Они... они счастливые там. Дома. И они приняли меня.

— Ты говоришь о них так, будто они твоя семья, — тихо сказал Локри.

— Они и стали моей семьёй, — ответила Николетта. — Как и ты.

Локри обнял её, и бережно прижал к себе. Она почувствовала, как бьется его встревоженное сердце — быстро, неровно, как будто он боится, что она исчезнет навсегда, если он ослабит хватку.

— Когда ты вернёшься? — спросил Локри, и это был не вопрос, а мольба, которую он не хотел произносить вслух, но не мог сдержать.

— Вернусь, — она подняла голову и посмотрела ему в глаза. — Я всегда возвращаюсь. Но сейчас мне нужно идти. Пока я не передумала.

— Я не пущу тебя голодной, — он поцеловал её в лоб. — Сейчас принесу завтрак.

Он вышел, и дверь за ним тихо закрылась. Николетта стояла посреди комнаты, чувствуя, как время уходит. Если она начнёт прощаться сейчас, если позволит ему вернуться с завтраком, если они начнут говорить, она не уйдёт. Не сможет...

Она подошла к кровати, где лежала одежда, приготовленная Зефом. Всё было новым, незнакомым, но удивительно подходящим. Кожаные штаны местных охотниц — мягкие, гибкие, они облегали ноги, не сковывая движений. Белая шёлковая рубашка, лёгкая, почти невесомая. А поверх всего короткая кожаная безрукавка с заклёпками, плотно облегающая грудь, с множеством карманов и застёжек. На кожаный широкий пояс легли два ножа в ножнах, один длиннее, другой короче. Сапоги до колена, мягкие, с удобной подошвой приятно легли на ноги.

Всё было сделано руками, не магией, и в этой грубой, настоящей работе было что-то, что заставляло чувствовать себя сильнее.

Она оглянулась на Пуша. Тот сидел на подушке и смотрел на неё с пониманием.

— Ты не будешь завтракать? — спросил он.

— Нет, — она пристегнула последний нож. — Я не могу.

— Знаю, — он вздохнул и запрыгнул ей на плечо. — Тогда бежим, пока он не вернулся.

Она открыла портал. Серебристо-белый свет вспыхнул, озаряя всю комнату, и она шагнула в него, не оглядываясь. Потому что если она оглянется, то не уйдёт. А она должна.

Локри вернулся с подносом, на котором дымились еда, лежали свежие лепёшки и стоял кувшин с настоем трав. Но комната была пуста. Он замер. Постель была пуста, одежда исчезла. Только алый кристалл остался на столике, пульсируя ровно, спокойно. Он взял его в руки, чувствуя, как её магия переливается в его пальцах.

— Глупая, — прошептал он. — Трусиха.

Он не злился. Он понимал. И ждал. Как всегда.

Золотая Пика встретила её ветром. Тяжёлым, плотным, пропитанным магией материи, которая чувствовалась даже сквозь одежду. Но теперь Николетта не боялась. Она стояла на верхней площадке, смотрела на колонны, уходящие в небо, на постамент, где пульсировал золотой камень, и чувствовала, как внутри неё откликаются два кольца Венца.

Морган появился из тени колонны. Он был в парадной одежде, но с засохшей кровью на руке, которую она укусила. Оценивающе смотрел на неё, а в его золотых глазах было не удивление — восхищение.

— Ты всё же вернулась, дорогая, — с улыбкой произнёс он. — Я знал.

— Я вернулась за Печатью, — ответила она. — Не за тобой.

— Это одно и то же, — он шагнул вперёд, но она не отступила. — Печать — это часть меня. Без меня ты не получишь её. Она не выберет тебя.

— Ты ошибаешься, — она медленно подошла к постаменту, и он не остановил её в надежде, что Николетта снова угодит в ловушку. Морган не мог знать, что сила Аура уже решила ей принять Печать.

Николетта протянула руку к камню. Золотая магия хлестнула по площадке, стремясь отбросить её, но два сплетённых кольца Венца вспыхнули ярче, и серебристо-белый свет внутри неё ответил — не сопротивлением, а принятием. Она не боролась с материей. Она становилась её частью.

— Что ты делаешь? — крикнул Морган, но его голос был далёким, чужим.

— Я принимаю то, что принадлежит миру, — спокойно ответила она, не оборачиваясь. А силовой барьер, созданный Венцом, отсек Моргана от неё.

Её пальцы коснулись камня. Золото вспыхнуло ослепительным светом, и она почувствовала, как в неё вливается сила, которую она не знала, не понимала, но чувствовала каждой клеткой. Материя. Основа всего. Камень выскользнул из постамента, и третье кольцо Венца — золотое, пульсирующее, как живое сердце — проявилось в воздухе и встало на своё место.

— Нет! — крикнул Морган, бросаясь к ней, но его магия не могла противостоять Венцу.

— Это никогда не было твоим, — спокойно сказала Николетта, поворачиваясь к нему. Три кольца Венца сияли над её головой, сплетённые между собой, украшенные камнями Первых. В их свете она казалась ему чужой, далёкой. — Ты был хранителем, Морган. Но хранители не владеют тем, что хранят.

Она шагнула в сияющий белый портал, который открылся сзади неё, и свет поглотил Николетту, оставляя Моргана одного на вершине его Пики.

В этот момент где-то далеко, в большом зале Магической Башни, Локри открыл портал и шагнул в центр Совета Верховных Домов. Трон Моргана был пуст, но Великий Торон уже сидел на своём месте, а Лияр стояла у окна.

— Что случилось? — спросил Торон, поднимаясь. Его лицо было напряжённым.

— Морган нарушил закон, — сказал Локри. — Он пленил Николетту. Держал её в комнате из камня Чёрных земель. Лишил магии. Она едва спаслась.

Торон побелел. Его руки сжались в кулаки, а воздух вокруг него зазвенел, заискрился. Лияр лишь повернула голову, услышав слова Локри.

— Где она? — спросил Торон, но при этом голос его был тихим, страшным.

— Она сбежала. Сама. Пустила свою кровь по древней руне, чтобы открыть портал в мою Пикку.

— Где она сейчас?

— Вернулась за Печатью.

В этот момент на Совете материализовался Морган. Он был бледен, его магия билась неровно, а в глазах горела ярость.

— Ты! — Торон шагнул к нему, и молния сорвалась с его пальцев, ударив в пол у ног Правителя. — Ты посмел похитить мою дочь?!

— Она моя будущая пара, — Морган упрямо не отступил. — Она должна быть рядом со мной. Это право Правителя Арканты!

— Она не твоя! — рявкнул Торон. — Она моя дочь! Николетта — наследница Серебристого Дома! И если ты ещё раз прикоснёшься к ней, я сотру Золотую Пикку с лица Арканты!

— Ты не понимаешь! — Морган шагнул вперёд, а золотая магия вокруг него вспыхнула, пытаясь подавить серебристый свет Торона. — Она носит Венец! Она должна быть под моим контролем! Николетта взяла мою Печать!

— Она не вещь, которую можно контролировать! — закричал Торон. — Она моя дочь!

— И она никогда не будет твоей! — холодно добавил Локри. Тени вокруг него сгустились, готовясь к бою.

Морган посмотрел на него. В его глазах была такая ненависть, что, казалось, воздух между ними мог загореться.

— Ты, — прошипел он. — Это ты во всём виноват. Ты настроил её против меня.

— Я не настраивал, — Локри не отвёл взгляда. — Я просто был рядом. И я буду рядом всегда. Ты не получишь её. Никогда.

— Я запрещаю! — Торон ударил кулаком по столу так, что трещина побежала по камню. — Я запрещаю вам обоим приближаться к ней! Она моя дочь! Я спрячу её так, что никто не найдёт! Ни ты, Морган, ни ты, Локри!

— Ты не спрячешь, — тихо сказал Локри. — Она сама выбирает свой путь. И этот путь ведёт к Венцу, и ко мне.

На Совете повисла тишина. Все трое магов замерли, чувствуя, как мир содрогнулся. Третий камень Венца встал на своё место, и об этом возвестила магическая волна, катящаяся по миру. Магия постепенно соединялась, сливалась, и казалось, даже улучшала потоки мира.

— Это она, — прошептал Торон. В его голосе не было гнева. Только гордость и страх за дочь.

— Она сделала это, — прошептал Локри, сжимая в руке алый кристалл, который пульсировал в такт её сердцу.

Морган опустился на трон. Его лицо было белым, как мел. Он проиграл. Но он не сдаётся. Никогда.

А где-то далеко, в Асвеллоре, она лежала на зеленой траве. Николетта открыла глаза. Три кольца Венца сияли над её головой, и в их свете мир казался новым, оживающим.

Пуш выскочил из травы, и молнией бросился к ней.

— Четвёртая Печать? — спросил он.

— Равнина выбора, — ответила она. — Печать Велара. Завтра пойдём. Мне нужно набраться сил.

Она посмотрела на звёзды, которые зажигались над Асвеллором, и улыбнулась самой себе. Где-то там, в Сумеречной Пике, Локри сжимал в руке её камень и ждал. А в Золотой Пике Морган готовил новый коварный план. И только её отец метался по главному залу Серебристой Пики, проклиная всех, кто посмел тронуть его дочь.

ГЛАВА 9. ВЫБОР, КОТОРЫЙ ВСЕГДА ЛОМАЕТ

Равнина выбора встретила её ветром. Он был не таким, как в Асвеллоре, где воздух ласкал кожу. Этот ветер бил в лицо, жаркий, сухой, и в его порывах слышались голоса — тысячи голосов, которые шептали, кричали, умоляли, угрожали. Николетта не разбирала слов, но понимала смысл: «Останься. Не иди дальше. Здесь ты будешь в безопасности. Здесь ты можешь забыть».

Пуш, вцепившийся в её плечо, дрожал. Его шерсть, всегда искрившаяся серебром, стала тусклой, почти серой, и он прижимался к ней так, будто боялся, что она исчезнет.

— Я чувствую их, — прошептал он. — Тех, кто не прошёл. Они здесь. Они всё ещё выбирают. Слышишь, как они кричат? Они выбирали и не смогли уйти. Они остались здесь навсегда.

Николетта огляделась. Равнина простиралась до горизонта, и не было видно ничего, кроме серебристой травы, которая переливалась в странном свете — не солнечном, не лунном, а каком-то внутреннем, идущем из-под земли. Трава шелестела, и в этом шелесте тоже были голоса — тихие, почти неслышные, но от этого не менее настойчивые. Казалось, сама земля здесь дышала, помнила, ждала.

В центре равнины, в том месте, куда её вёл Венец, стоял каменный круг. Огромные каменные валуны, чёрные, как ночь, окружали пустоту, в которой сходились все дороги мира. Они были разной высоты — одни достигали роста человека, другие едва доставали до колена, но все они смотрели внутрь круга, и в их чёрной глади, отполированной ветрами и временем, пульсировал тот же странный свет, что и под землёй.

— Печать Велара, — тихо произнесла Николетта. — Воля.

— Ты должна войти туда одна, — прошептал Пуш. — Я не могу. Меня не пустят. Я не выбираю. Я пришёл с тобой.

Она сняла его с плеча, поставила на траву. Её пальцы задержались на его шерсти, чувствуя, как он дрожит.

— Жди.

— Хорошо, — тихо ответил он. В его глазах-росинках отразился страх за девушку, смешанный с тем древним доверием, которое элари хранят к тем, кто дорог.

Николетта вошла в каменный круг, и ветер стих. Голоса замолкли. Тишина была такой плотной, что это место казалось отдельным миром — миром, где не было ничего, кроме неё и семи чёрных камней, которые смотрели на неё со всех сторон.

Николетта стояла в центре, чувствуя, как её дыхание становится единственным звуком во вселенной. Камни смотрели, и в их чёрной глади она видела свои отражения — семь лиц, семь судеб, семь дорог, которые могли стать её жизнью.

В центре каменного круга Николетта смотрела на семь своих отражений.

В первом отражении она стояла на Золотой Пике, рядом с Морганом, и на её голове сияла корона Правителя Арканты. Она была холодна, красива и одинока, потому что Морган медленно падал к её ступням, а из его груди торчал клинок. Николетта поняла, что убьёт его, чтобы окончательно избавиться. Но это резало душу нежеланием становиться убийцей.

На втором камне она стояла в Сумеречной Пике, в объятиях Локри, и его тьма обвивала её, а внутренний свет гас, потому что она становилась тенью среди теней. Это видение пугало своей безысходностью — не потому, что она боялась тьмы, а потому, что в этом отражении не было её самой. Только он. Только его тени. А она исчезала.

Третий камень дарил призрачную надежду. Она была на Земле, в своей старой квартире, пила кофе на Патриарших, а за окном текла обычная жизнь, без магии, без боли, без любви. Но в этом отражении не было света, который горел в ней сейчас. Не было Венца.

На остальных камнях она была в Асвеллоре, среди элари и корвитов, и Венец над её головой был завершён, и она знала, что будет с миром дальше. Но здесь было много дорог будущего. На одной из них она стояла у подземного озера Колыбели Магии, и весь мир с надеждой смотрел на неё. На другой — она шла по улицам Алира, и люди кланялись ей, как богине. На третьей — она сидела на крыльце своего дома в Асвеллоре, и Пуш лежал у неё на коленях, и не было ни войны, ни страха, ни выбора.

Самым страшным показался седьмой камень, где она была белым светом. Просто свет. Без формы, без имени, без судьбы. В этом отражении не было боли, но не было и радости. Не было любви, но не было и потерь. Только покой. Вечный, бесконечный покой.

— Выбирай, — сказали камни, и их голоса слились в один. — Выбирай, и ты обретёшь.

— Я не хочу покоя, — ответила она. — Я хочу сама строить свою жизнь.

— Тогда иди, — ответили камни. — Но знай: каждый выбор — это потеря тех, кто дорог, кого ты не выбрала. Ты готова?

Она закрыла глаза. Вспомнила всё. Землю, Арканту, Асвеллор. Моргана, который хотел её подчинить. Локри, который готов был потерять себя ради неё. Отца, который ждал. Пуша, который верил. И себя — ту, которая пришла из другого мира и не побоялась бросить вызов судьбе.

— Я готова сражаться за свою семью, — сказала она, открывая глаза.

Николетта шагнула в центр закручивающегося круга. Мир взорвался. Семь камней затрепещали, и из них, как из ран, хлынул свет — чёрный и белый, переплетаясь, сражаясь, разрывая пространство. Ветер вернулся, и теперь он был не просто ветром — он был выбором. Он бил в неё, сбивал с ног, заставлял падать, и каждый раз, когда она поднималась, один из камней разлетался осколками, и её путь сужался.

Она выбрала не Моргана — и первый камень рассыпался в прах, а ветер на миг стих, давая ей передохнуть.

Она выбрала не покой в тени — и второй камень раскололся, и осколки его, чёрные, как сама ночь, разлетелись в разные стороны, исчезая в серебристой траве.

Она выбрала не возвращение на Землю — и третий камень исчез, растворился в воздухе, не оставив даже пыли.

Перед ней осталось четыре камня. Она стояла в центре круга, но выбрать между ними было сложно. Каждый из этих путей был частью её — той, кем она могла стать, той, кем она уже была, той, кем боялась стать.

— Последний выбор, — прошептал ветер. — Ты готова стать тем, кем должна быть?

— Да, — ответила она.

Камни взорвались, и осколки, острые, как лезвия, вонзились ей в грудь.

Локри почувствовал это раньше, чем увидел. Кристалл в его руке, который всё это время пульсировал ровно, вдруг вспыхнул ослепительным светом, а потом погас. Совсем. На несколько долгих, бесконечных секунд он стал чёрным, мёртвым, пустым.

— Нет, — прошептал Локри. Его голос разорвал тишину, ударился в невидимую стену, вернулся эхом, чужим, искажённым. — Нет, не смей!

Он ударил по стене, и тени взметнулись, ударили вместе с ним по стенам. Локри ударил снова, и кровь брызнула из разбитых костяшек, но кристалл не отвечал. Он бил, пока руки не онемели, пока тени не взвыли вокруг него, как звери, чувствующие ужас хозяина.

Её кристалл лежал на его ладони, чёрный, холодный, мёртвый.

Он упал на колени, прижал его к губам, и тени замерли, затихли, втянулись в него, как будто боялись, что он исчезнет вместе с ней.

— Вернись, — прошептал он. — Вернись. Ты обещала.

И кристалл вспыхнул. Слабо, едва заметно, но вспыхнул. Живой свет разгорался внутри него, и Локри замер, не дыша, боясь спугнуть это чудо. Свет становился ярче, ровнее, и через минуту кристалл снова пульсировал, как сердце, которое помнит, как биться.

Она была жива. Она выбрала жизнь.

Николетта упала на траву, и мир вокруг неё начал таять. Серебристая трава становилась серой, небо — белым, камни исчезали, растворяясь в воздухе. Она чувствовала, как кровь заливает рубашку, как магия покидает её, как сознание ускользает, тает, гаснет. Но всё исчезало, унося с собой не только странное место, но и сделанный выбор.

Пуш бросился к ней, но его лапы скользили по её крови, и он не мог её удержать.

— Николетта! Ты обещала! Ты обещала, что вернёшься!

Она слышала его голос, но не могла ответить. Раны пульсировали, и в этой пульсации она чувствовала, как Венец пытается удержать её, как три камня бьются в агонии, пытаясь сохранить её жизнь. Но четвёртый камень не вставал на место, и равновесия не было.

— Она будет жить, — раздался голос из пустоты.

Пуш обернулся. Из воздуха, из самой ткани реальности, соткался человек. Он был высок, строен, с серебристо-белыми волосами, которые струились за спиной, не подчиняясь ветру. Кожа его была бледной, с едва заметным голубоватым отливом, а глаза — без зрачков — светились ровным, спокойным серебром. Одежды его переливались от белого до глубокого синего, и в их движении было что-то от лунного света, застывшего в танце.

— Кто ты? — спросил Пуш. Его шерсть встала дыбом.

— Я Саризель, — ответил архихонт. — Из города архихонтов. Я чувствовал её выбор. Я всегда чувствовал, как равнина ломает тех, кто осмеливается идти до конца. Она не должна умереть. Не сейчас.

Он опустился на колени рядом с Николеттой. Его пальцы, холодные, почти невесомые, коснулись её лба. Она открыла глаза — мутные, полные боли.

— Ты... — прошептала она.

— Молчи, — сказал он. — Ты выбрала жизнь. Теперь я должен сделать так, чтобы твой выбор не убил тебя.

Он поднял её на руки, и она почувствовала, как её тело, израненное, обессиленное, вдруг перестало болеть. Не потому, что рана затянулась — потому что он забрал боль, удерживая её в своих руках, как хрупкий сосуд, который нельзя разбить.

— Я пойду с тобой! — крикнул Пуш, бросаясь вперёд.

— Нет, — Саризель остановил его взглядом. — Город архихонтов не для живых существ. Твоя магия, твоё тело, твоё существо — всё это не выдержит. Она вернётся. Жди здесь.

Пуш замер. Он смотрел на Николетту, на её лицо, бледное, как снег, на её губы, которые шептали его имя, и знал, что должен отпустить.

— Ты вернёшься? — спросил он, и это был не вопрос, а мольба.

— Вернусь, — прошептала она.

Саризель шагнул в яркий свет, который открылся за его спиной.

Город архихонтов назывался Люмен-Тиир — Дом Света. Он находился на верхнем плато, куда не ступала нога живого существа после падения Первых. Это было не только место. Это было состояние.

Николетта очнулась в зале, стены которого были сотканы из сплошного камня излучающего свет. Здесь не было дерева, не было металла — только свет, который пульсировал, как живой, и в этой пульсации она чувствовала дыхание древних, тех, кто был до неё.

Она лежала на чём-то мягком, но не могла понять, что это. Не ткань, не трава — пространство, которое приняло её тело, не давая ему провалиться в пустоту.

— Ты очнулась, — голос Саризеля прозвучал рядом.

Она повернула голову. Он сидел на таком же сгустке света, а его глаза — без зрачков, вечные — смотрели на неё с тем, что она могла бы назвать участием.

— Где я?

— В Люмен-Тиир. В доме тех, кто хранит равновесие. Твоя рана была смертельной. Осколки пронзили не тело, а волю. Ты выбрала идти, и равнина попыталась забрать твою жизнь как плату.

— Сколько... сколько я здесь?

— Несколько дней, — спокойно ответил он. — Но время здесь течёт иначе. Для мира снаружи пройдёт намного больше.

— Насколько больше?

— Не знаю. Может, год. Время не подчиняется нам. Мы только наблюдаем за ним.

Она попыталась сесть, но боль пронзила грудь.

— Не пытайся, — сказал Саризель. — Твоя магия здесь не работает. Рана пьёт её, чтобы ты выжила. Ты должна исцелиться сама.

— Это надолго.

— Да. Но у тебя есть время. У тебя всегда есть время, пока ты выбираешь жизнь.

Дни в Люмен-Тиир тянулись, как одна долгая, бесконечная нота. Николетта не могла использовать магию. Каждый раз, когда она пыталась коснуться своей силы, рана отзывалась болью, и свет в Венце тускнел. Она училась другому: слушать тишину, чувствовать равновесие, понимать, что Венец — это не дар, а бремя, которое меняет того, кто его принимает. Именно поэтому его получаешь по частям, как жизненный опыт.

Саризель был рядом. Он не лечил её тело. Он учил её исцелять себя. Их разговоры были немногословны, но каждое его слово весило больше, чем сотни слов других людей.

— Ты скучаешь по нему, — сказал он однажды. Это был не вопрос.

— По кому? — спросила она, хотя знала ответ.

— По тому, чья тьма гасит твой свет. По тому, кто готов потерять себя, чтобы ты была свободна. По тому, кто пришёл с армией теней к стенам Асвеллора и пытается их разбить. Его тьма в ярости.

— Я скучаю по всем, — холодно ответила Николетта. — По отцу, по Пушу, по Асвеллору.

— Они ждут, — спокойно сказал Саризель.

— А кто пытается разрушить завесу Асвеллора? — спросила она.

Он посмотрел на неё, а в его глазах — вечных, бездонных — мелькнуло что-то, похожее на улыбку.

— Сумеречный Дом.

Раны затягивались, и она закрыла глаза.

Прошло много дней. Николетта перестала их считать. Раны затянулись, оставив на теле шрамы, которые светились. Она чувствовала, что внутри неё что-то изменилось — не сила, а понимание. Воля, это не способность делать что угодно. Воля, это способность не сдаваться, даже когда сил не осталось.

— Ты готова, — однажды сказал Саризель.

— Знаю, — ответила она.

Он провёл её через залы Люмен-Тиир, мимо архихонтов, которые смотрели с безмолвным интересом. Саризель вывел к порталу, который пульсировал ровным, спокойным светом.

— Когда ты наденешь Венец, равновесие восстановится, — сказал он. — Но ты должна знать: плата будет высокой.

— Я знаю.

— Ты можешь остаться, — сказал он, но в его голосе впервые прозвучало что-то, похожее на просьбу. — Здесь будешь в безопасности. Ты готова стать архихонтом.

— Я не хочу безопасности, — она посмотрела на него. — Я хочу жить в мире.

Он кивнул. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Тогда иди.

Николетта шагнула в портал, и свет поглотил её.

Равнина выбора встретила тишиной. Не той, что давит, а той, что лечит. Серебристая трава снова переливалась, небо было чистым, и в центре, там, где когда-то стояли камни, теперь возвышался один — прозрачный, как слеза, с четвёртым камнем Венца, пульсирующим серебристо-серым светом.

Пуш выскочил из травы и бросился к ней. Он был исхудавшим, с тусклой шерстью, но его глаза-росинки горели.

— Ты вернулась! — кричал он. — Ты обещала! Ты вернулась!

Она упала на колени, обняла его, чувствуя, как он дрожит, как его слёзы падают на её руки, как его сердце бьётся в такт её сердцу.

— Я вернулась, — прошептала она. — Я всегда возвращаюсь.

Она поднялась, подошла к камню и протянула руку. Камень выскользнул из прозрачной глади и встал в Венец. Четвёртое кольцо — серебристо-серое, как цвет её воли — засияло ровным, спокойным светом, вплетаясь в остальные.

И вдруг что-то изменилось. Николетта замерла, чувствуя, как внутри неё, там, где только что была уверенность, возникает странная пустота. Венец пульсировал, и четыре камня — прозрачный, тёмно-синий со звёздами, золотой и серебристо-серый — вращались в медленном танце, создавая новый, незнакомый ритм. Она пыталась понять, что именно изменилось, и не могла. Всё было на своих местах. Она помнила всё: Асвеллор, Печати, свои битвы, боль. Но одно воспоминание вдруг стало плоским, как картинка в старой книге. Локри. Она помнила его лицо, помнила их разговоры, помнила всё. Но чувства... чувства исчезли. Не ушли, не ослабли — исчезли, как будто их никогда не было.

Она стояла посреди равнины, сжимая в руке шерсть Пуша, и пыталась вспомнить, что значит любить. В её памяти была картинка: серебряные глаза, холодные пальцы, тени, которые тянутся к ней. Но внутри — ничего. Только ровный, спокойный свет Венца, который пульсировал в новом ритме, и странное, ледяное спокойствие.

— Николетта? — Пуш поднял голову, чувствуя, что она замерла. — Что случилось?

— Ничего, — ответила она, и её голос прозвучал ровно, спокойно, чужим. — Я просто... устала.

Она улыбнулась ему. Эта улыбка вышла правильной, но Пуш нахмурился. Что-то было не так. Он чувствовал это, всем своим существом, каждой искрой, что горела в его шерсти. Но он не мог понять, что именно.

— Следующая Печать? — спросил он, отгоняя тревогу.

— В Зале судеб, — ответила она. — Печать Фатума.

Николетта посмотрела на звёзды, которые зажигались над Асвеллором. Где-то там, за горами, за пустошами, за самой гранью мира, ждал тот, чьё имя она помнила, но чьё лицо больше не заставляло её сердце биться чаще. Она знала, что должна была чувствовать. Но не чувствовала ничего.

В это же время, далеко за пределами равнины, у самой границы Асвеллора, стоял Локри. Он пришёл сюда не через портал. Тени не могли открыть путь туда, куда не пускала завеса. Он шёл пешком, месяцами, через горы, через пустоши, через земли, где не ступала нога мага. Он шёл, потому что чувствовал её кровь в кристалле, который сжимал в руке. Он шёл, потому что не мог больше ждать в своей Пике, глядя на карту, которая не показывала туда дороги.

И теперь он стоял перед невидимой стеной, которая отделяла мир Арканты от Асвеллора. Он не видел её, но чувствовал — она была здесь. Плотная, древняя, непроницаемая. Тени скользили по её поверхности, пытаясь найти щель, но натыкались на невидимое препятствие и возвращались, бессильные.

За этой стеной, он знал, была долина. Трава, переливающаяся серебром. Водопады, падающие в облака. И она.

Кристалл в его руке пульсировал слабо, неровно — то вспыхивал, то почти гас, и каждый раз, когда свет тускнел, Локри чувствовал, как что-то внутри него сжимается, превращаясь в ледяной ком. Он не знал, что с ней. Он не знал, жива ли она. Он только знал, что не может пройти.

Он опустился на колени перед невидимой стеной, провёл рукой по воздуху, и тени послушно сгустились, ударили в преграду, но рассыпались, не причинив ей вреда.

— Ты не пускаешь, — прошептал он. — Ты не пускаешь меня к ней.

Стена молчала. За ней, в мире, куда ему не было хода, её кровь текла по камням, её воля сражалась с выбором, а он оставался здесь, снаружи, сжимая в руке алый кристалл, который мог только светиться или гаснуть.

— Я буду ждать, — сказал он стене. — Я всегда буду ждать.

Кристалл вспыхнул ярче, и он понял: она ещё жива. Она ещё борется.

У границы Асвеллора проходили дни. Локри ждал, сжимая в руке алый кристалл, который пульсировал ровно, спокойно. Он потерял счёт дням, когда тени перестали приносить вести, когда кристалл стал единственным, что связывало его с ней. Но он почувствовал, как она вернулась на равнину. Чувствовал, как четвёртый камень встал в Венец. И вдруг что-то изменилось.

Кристалл в его руке продолжал светиться ровно, спокойно, но внутри, там, где раньше была тугая нить, связывающая его с ней, возникла пустота. Не разрыв — нет. Просто... пустота. Как будто кто-то выключил свет в комнате, где он так привык видеть её лицо.

— Николетта? — прошептал он.

Кристалл не ответил. Он светился, как всегда, но в этом свете больше не было тепла. Только ровная, спокойная, равнодушная пульсация.

Он сжал его в кулаке, и тени вокруг него взметнулись, закружились, завывали.

— Что ты сделала с собой? Что ты выбрала?

Стена молчала. Она не пускала его. И теперь, когда она была так близко, он понял, что она стала дальше, чем когда-либо.

Локри поднялся, стряхнул пыль с колен и посмотрел на невидимую преграду. Кристалл в его руке пульсировал ровно, спокойно, равнодушно.

— Я всё равно буду ждать, — сказал он. — Ты можешь забыть. Ты можешь выжечь всё, что было. Но я буду ждать. Потому что я помню.

Тени затихли, и Локри остался стоять перед стеной.

Николетта и Пуш шли по серебристой траве, и венец над её головой сиял новым светом. Она чувствовала себя спокойной. Сильной. Готовой.

— Куда теперь? — спросил Пуш.

— В Зал судеб, — ответила она. — Печать Фатума.

Николетта не оглянулась. Она не знала, что там, на границе Асвеллора, стоит мужчина с тёмными глазами и сжимает в руке её кристалл, который больше не отвечает ему теплом. Она не знала, что её сердце, которое когда-то билось в такт его сердцу, теперь билось ровно, спокойно, не помня ни его дыхания, ни его имени.

Она была свободна. Она была сильна. Она была готова идти дальше. А он остался ждать. Потому что только это и оставалось тому, кто помнит, когда другой забыл. Потому что тому, кто уходит первым, всегда проще.

ГЛАВА 10. ЛЮМЕН-ТИИР

После отдыха Николетта открыла глаза. Мир вокруг был иным. Не миражом, не сотканным из снов и теней, а настоящим, материальным, но живущим по своим законам.

Она лежала на чем-то, что казалось одновременно и твердым, и податливым, словно мягкая, искусно выделанная кожа. Проведя пальцами по поверхности, она поняла: это не камень, не дерево, не металл. Что-то совершенно неизведанное. Теплое, гладкое, едва заметно пульсирующее, как живое существо, дышащее спокойствием.

Николетта медленно села. Боль в груди отозвалась глухим, но уже не острым ударом. Шрамы на месте ран мерцали ровным белым светом, и Николетта ощутила, как внутри нее, там, где раньше клубилась магия, теперь разливалась тишина. Не пустота, а именно тишина. Словно после бури, когда ветер затихает, и воцаряется безмятежность.

Помещение, в котором она оказалась, не походило на комнату в обычном понимании. Скорее, это была камера, вырезанная из чрева чего-то необъятного. Стены не сияли, они были матовыми, теплого перламутрового оттенка, а в их глубине, подобно морским течениям, угадывалось медленное, плавное, ритмичное движение. Прикоснувшись к стене, Николетта почувствовала шершавую, но не грубую поверхность, напоминающую кору старого дерева или обожженную глину. Только живую. Дышащую.

Воздух здесь был плотным, но не тяжелым. Он имел вкус – едва уловимый, похожий на запах грозы, когда первые капли падают на раскаленную землю. И в этом воздухе не было магии. Совсем. Николетта чувствовала это каждой клеткой – здесь отсутствовала та свободная сила, что пропитывает всю Арканту. Не было частиц, которые можно было бы направлять, перестраивать, подчинять.

— Ты проснулась, — голос Саризеля прозвучал совсем рядом, и Николетта резко обернулась.

Он сидел на скамье, выточенной из того же материала, что и стены. Его глаза, глубокие, бездонные, смотрели на нее с чем-то, что можно назвать терпеливым ожиданием.

Сегодня он был другим. Не отстраненным, не холодным. В его облике промелькнуло нечто прежде не замеченное ею, возможно, усталость. Или же нечто, что древнее самой усталости.

— Где я? — она обвела взглядом помещение.

— Это мой дом.

Он протянул руку, и она, не задумываясь, вложила свою в его ладонь. Его пальцы были прохладными, но не ледяными – в них чувствовалась свежесть глубоких озер, куда никогда не проникали солнечные лучи. Саризель помог ей подняться. Николетта почувствовала, как дрожат, но держат ее ноги. Венец над головой слабо пульсировал, и этот ритм, словно незримая нить, постепенно сливался с ритмом её сердца.

— Пойдем, — сказал Саризель. — Я покажу тебе наш мир, а потом ты отправишься за следующей Печатью.

Они вышли из камеры, и Николетта замерла. Люмен-Тиир был не городом в привычном смысле. Это было пространство, вросшее в толщу чего-то огромного – то ли горы, то ли плато, то ли самого времени.

Коридоры здесь не тянулись по прямой, они извивались, подчиняясь неведомой, непостижимой логике. Стены переливались – от перламутра к оттенкам индиго, от индиго к глубокому фиолету, и в этих переливах угадывались картины, которые нельзя было разглядеть.

Залы сменялись галереями, галереи – террасами, террасы – мостами, перекинутыми над пропастями, на дне которых, далеко внизу, клубился туман. Но туман этот был не белым – он

был живым, он переливался всеми цветами, которые только можно было вообразить, а в его движении читался танец, длящийся вечность.

Архихонты скользили по мостам. Они не шли, они плавно двигались, будто парили. Их одежды были сотканы из того же материала, что и стены, и так же переливались. Они не смотрели на Николетту с любопытством, как на диковинку. Они смотрели с тем, что можно было бы назвать узнаванием. Словно знали, кто она, задолго до ее появления здесь.

— Они не говорят, — заметила Николетта.

— Говорят, когда нужно, — ответил Саризель. — Слова здесь – редкость. Мы привыкли к тишине. Она точнее.

— И что вы слышите в тишине?

Он остановился и взглянул на нее. В его глазах не было ответа – было приглашение. К размышлению. К поиску. К тому, что нельзя выразить словами.

— Всё, — произнес он. — Тишина не пуста, носительница Венца. Она полна. В ней есть всё, что было, и всё, что будет. Нужно только научиться слушать.

Мост, по которому они шли, казался хрупким. Тонкие переплетения того же неизвестного материала, были натянуты над бездной, словно струны. Но под ногами он был твёрдым, надежным, и каждый шаг отзывался тихим, певучим звуком, который растворялся в глубине, не достигая краев.

Они вышли на террасу, откуда открывался вид на сад. Он был странным. Неправильным. Деревья здесь росли не вверх, а в стороны, переплетаясь ветвями, образуя арки и своды. Их листья были на ощупь твердыми, как чешуя, но гибкими, и они звенели, когда ветер. Цветы распускались прямо на стволах, а их лепестки меняли цвет от белого к синему, от синего к золотому, от золотого к алому, и в этом круговороте не было конца.

— Это сады Элара, — сказал Саризель. — Она создала их, чтобы помнили.

— О чём?

— О том, что жизнь – это не только свет, — он провёл пальцами по лепестку, и цветок, вспыхнув алым, медленно угас, возвращаясь к прежней белизне. — Это ещё и цвет, вкус и запах. И боль. Без неё нет роста. Она это знала.

— Вы помните её? — спросила Николетта.

— Мы помним всё, — он посмотрел на девушку. В его глазах мелькнуло нечто, чего она не могла прочесть. — Это наша сила.

Они шли по красивым садам. Николетта чувствовала, как внутри нее что-то меняется. Не магия, а что-то другое. Тихое, спокойное, но настойчивое. Она смотрела на Саризеля, на его профиль, на то, как свет — не солнечный, а тот, иной, пронизывающий это место, — играл на его слегка светящейся коже, и думала, что он похож на ожившую статую. Совершенный. Невозможный. Нечеловеческий.

— Ты рассматриваешь на меня, — сказал Саризель, не оборачиваясь.

— Ты видишь затылком? — ответила она, но в её голосе не было ни тени смущения. Только интерес.

— Я замечаю всё, что касается тебя, — он медленно повернулся к ней. Она увидела, как его глаза — бездонные, белые — становятся глубже, темнее. — Это моя природа. Я замечаю то, что нуждается в защите.

— А я нуждаюсь в защите?

— Ты нуждаешься в понимании, — он шагнул ближе. Николетта почувствовала его дыхание — прохладное, чистое, как горный воздух. — Ты ищешь ответы там, где их нет. Пытаешься понять, почему твоя магия слабеет рядом с его тьмой, почему свет и тень не могут быть вместе. Но ты спрашиваешь не о том.

— О чём же я должна спрашивать?

— О том, что такое магия на самом деле.

Они сели на краю террасы, свесив ноги в бездну, в которой внизу кружились туманности, схожие с теми, что она видела в подземелье. Саризель молчал долго, и она не торопила его. Тишина здесь не была пустой, она была наполнена тем, что древнее слов.

— Вы называете это магией, — сказал он наконец. — Но магии не существует.

— Что? — она посмотрела на него, думая, что ослышалась.

— Есть только внутренняя сила. Она присуща каждому живому существу в любом мире. В Арканте её называют магией, в твоём мире — жизнью, в других — по-разному. Но суть одна.

— Я не понимаю.

Саризель взял её руку, и она почувствовала, как его пальцы коснулись её ладони.

— Ты знаешь, из чего состоит мир? — спросил он.

— Из земли, воды, воздуха, огня, — неуверенно ответила девушка.

— Это не так, — мягко сказал он. — Мир состоит из крошечных частиц. Настолько маленьких, что их не разглядеть даже самой сильной магией. Первые называли их ариты — неделимые. Они есть во всём: в камне, в воде, в воздухе, в тебе.

Саризель провёл пальцем по её ладони, и она вздрогнула. Не от холода, а от того, что в его прикосновении было нечто, позволившее забыть о ранах на теле, обо всём. Он что-то изменил, и ей захотелось обнять этого невыносимо красивого мужчину.

— Ариты соединяются друг с другом, образуя виты — нити жизни, — продолжил он. — Виты сплетаются в коры — основы. Коры — в тела. Так устроено всё, что существует. И так устроена ты.

— И что это меняет? — спросила она.

— Всё, — он внимательно посмотрел на неё. — То, что вы называете магией, — это не внешняя сила. Это способность управлять аритами. И передавать эту способность следующему поколению.

— Через кровь, — догадалась Николетта.

— Через кровь, — кивнул Саризель. — Кровь — это носитель. В ней живёт память поколений, опыт предков, их способность управлять аритами. Когда кровь смешивается, она может умножить эту способность. Или уничтожить. Всё зависит от того, насколько сильны те, кто её передаёт.

— Значит, чистота крови...

— Не имеет значения, — перебил он. — Важна не чистота, а сила. Сила, которая живёт внутри. Элара была сильна не потому, что её кровь была чиста. Она была сильна, потому что умела управлять аритами так, как никто до неё и после. Она чувствовала их, слышала, дышала ими. И передала эту способность своим детям. А те — своим. И так до тебя.

— Но почему тогда одни маги сильнее других? — спросила Николетта. — Почему я смогла соединить магию Арканты, а другие — нет?

— Потому что ты умеешь слушать мир, — он коснулся её лба. Она почувствовала, как его пальцы проходят по коже. — Твоя внутренняя сила не подавлена страхом, не скована правилами, не ограничена чужим мнением. Ты чувствуешь ариты не разумом, а всей своей сущностью.

— А что же тогда магия? — спросила она, чувствуя, как его слова проникают в неё, меняют что-то внутри. — Внешние источники? То, что питает Арканту?

— Накопители, — спокойно ответил Саризель. — Свободная сила, которая пропитала мир. Её можно использовать, можно черпать из неё, можно направлять. Но она не делает мага сильным. Она делает его заряженным. Как сосуд, который наполнили водой. Сосуд может быть большим или маленьким, но вода в нём — не его. Она чужая. Настоящая сила — это то, что внутри тебя. То, что не зависит от внешних источников.

Он отпустил её руку. Она почувствовала, как что-то тёплое, что было между ними, не исчезло, а осталось, затаилось, ждёт.

— Поэтому Венец так важен, — сказала она.

— Поэтому, — соглашаясь кивнул Саризель. — Венец не даёт силу. Он открывает путь к тому, что уже есть внутри. Он помогает вспомнить, кто ты есть на самом деле и дополняет.

— А что, если я не справлюсь? — спросила Николетта. — Что, если то, что внутри меня, слишком мало?

— Тогда ты умрёшь, — просто ответил он. — Но не потому, что сила тебя раздавит. А потому, что ты откажешься от неё. Венец не убивает тех, кто готов принять себя. Он убивает тех, кто боится.

Николетта смотрела на него, на этого мужчину, старше любых её предков, видевшего рождение и смерть миров, державшего в руках равновесие, не сжимая его. И чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Не магия, которая всё ещё молчала. Что-то другое. Глубокое, древнее, то, что было спрятано под слоями сомнений.

Саризель привёл её к странному месту, это был двор, окружённый высокими колоннами из того же перламутрового материала, что и стены Люмен-Тиир.

В центре двора, на возвышении, похожем на гнездо, сидели птицы. Они были прекрасны. Огненно-красные, золотые, алые, их перья переливались, как расплавленный металл, а в их глазах горел тот же свет, что и в глазах Саризеля.

Фениксы. Их было много — десятки, сотни, они сидели на гнездах, летали над двором, парили в воздухе, оставляя за собой шлейфы огня, который не жёг, а светил.

— Фениксы, здесь? — спросила Николетта, затаив дыхание.

— Мои дети, — ответил Саризель. — Они рождаются здесь, живут свой срок, а потом улетают в мир, чтобы возродиться там, где нужен свет.

— Зачем?

— Чтобы напоминать, — он подошёл к одному из гнёзд, и феникс, огромный, с размахом крыльев, словно у дракона, склонил голову, позволяя ему коснуться своего оперения. — Что даже после смерти есть жизнь. Что даже в пепле можно отыскать свет. Что надежда умирает последней, но возрождается первой.

Она смотрела на него, на этого мужчину, что держал в ладонях огонь, что был старше любого пламени, и ощущала, как что-то внутри неё меняется. Не любовь. Не страсть. Чувство глубже. То, что она не могла назвать, но ощущала каждой клеткой.

— Ты любишь их, — произнесла она.

— Я люблю то, что они несут, — ответил Саризель. — Свет. Надежду. Возрождение.

— А ты? — она вопросительно взглянула на него. — Ты когда-нибудь любил?

Саризель молчал, склонившись в глубокой задумчивости. Фениксы вились над ними, а их пламенные перья, падая на землю, не оставляли и следа, впитываясь мгновенно в материю Люмен-Тиира.

— Я люблю сейчас, — сказал он. В его голосе прозвучало то, чего она совершенно не ожидала. Не холод. Не безмолвие. Но что-то живое, тёплое, подлинное. — Я люблю этот миг. Этот свет. Тебя.

Николетта застыла. Она не могла понять, от страха или от сказанного им. Саризель стоял так близко, что она ощущала прохладу его тела, смешанную с теплом, что исходило от фениксов. Его глаза сейчас стали бело-серыми, бездонными, и смотрели на неё. В них не было ни тени требовательности. Лишь чистая правда.

— Ты не можешь любить меня, — прошептала она. — Ты не знаешь меня.

— Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь, — Саризель протянул руку и коснулся её лица. Его пальцы скользнули по скуле, по губам, и она вздрогнула. — Я видел, как ты выбирала жизнь, когда смерть казалась единственным выходом. Я видел, как ты шла вперёд, когда другие отступали. Я видел, как ты любила его, даже когда это убивало тебя. Я знаю тебя, Николетта.

— Тогда ты знаешь, что мне нужно идти дальше, — её голос дрогнул.

— Знаю, — он не отнял руку. — Ты должна идти. Но это не значит, что я не могу любить этот миг. Что я не могу любить тебя.

Сариэль наклонился. Она почувствовала его дыхание на своих губах — прохладное, чистое, как горный ручей. Его поцелуй был не похож на те, что она знала. В нём не было жара Локри, не было настойчивости Моргана. В нём была тишина и гармония, уводящая за собой. Та самая, что предшествовала началу времён. Тишина, в которой рождаются миры.

Николетта закрыла глаза, и в этой тишине почувствовала, как внутри неё что-то раскрывается. То, что было скрыто под пластами сомнений. То, что ждало, когда его наконец услышат.

Сариэль отстранился, и она открыла глаза, потому что жаждала продолжения. В его взгляде не было сожаления. Только свет. Только принятие. Только то, что древнее страсти.

— Зачем ты это сделал? — тихо спросила она.

— Чтобы ты знала, — ответил он. — Есть любовь без обладания. Есть покой без смерти. Что есть свет, который не нуждается в пламени.

Николетта смотрела на него, а в груди родилось сожаление и желание продолжить этот манящий поцелуй. Это было больше, чем влечение. Это было осознание, что она встретила того, кто мог бы стать её миром. Они были идеальной парой. Это ощущалось во всем.

— Я не могу, — прошептала она.

— Я знаю, — Сариэль улыбнулся, и эта улыбка вместила в себя всё. — Иди. Иди и живи.

Она ушла на следующий день. Портал открылся перед ней. Свет Люмен-Тиир, коснувшись её лица в последний раз, отпустил. Сариэль стоял на краю террасы, а фениксы кружили над ним, оставляя за собой огненные шлейфы.

— Ты вернёшься, — сказал он ей вслед.

Николетта шагнула в портал. Свет Асвеллора поглотил её. Сариэль остался стоять на краю, провожая взглядом её тающую тень, и ощущая, как в груди, там, где тысячи лет царила лишь тишина, забилось что-то новое. Не боль. Не страсть. Надежда. Фениксы издали крик, и их зов был подобен песне.

ГЛАВА 11. ЛАБИРИНТ ФАТУМА

От увиденного Николетта застыла на пороге, будто окаменев. Даже Пуш, обычно готовый разрядить обстановку шуткой, притих. Этот вход был не просто проемом, а зияющей пастью. Каменные своды нависали, подобно челюстям чудовища, а из глубины тянулась непроглядная тьма.

— Ты уверена в этом? Может, завтра придем? — спросил Пуш. В его голосе не осталось и следа прежней жизнерадостности.

— Нет, — честно призналась Николетта. — Но я все равно войду.

Она шагнула в темноту, и мир за ее спиной растворился. Не просто исчез, а стерся, словно его никогда и не существовало. Назад пути не было.

Коридор был узким, его стены из темного камня не отражали ни искры света. Николетта зажгла магический огонек, но тот лишь трепетал, бледный и неуверенный, а тени от него извивались, будто живые. Шаги гулко разносились в абсолютной тишине, и Николетта слышала не только собственное дыхание. Она ощущала движение за стенами. Тяжелое, медленное, видимо, скала дышала.

Первый перекресток встретил ее тремя дверями. Левая, из темного дерева, была украшена резными головами чудовищ, их пасти казались готовыми разверзнуться в беззвучном крике. Правая была из металла, с изображением меча, клинок которого тускло поблескивал, обещая кровавую расправу. Центральная же была гладкой, каменной, лишенной каких-либо знаков. Над дверями висела табличка с надписью, высеченной древними рунами: «Одна ведет к свободе. Две — к смерти. Выбирай, но помни: кто спешит, тот ошибается первым».

Николетта присмотрелась к левой двери. Чудовища на ней словно ожили, их глаза мерцали. Правая вызывала рябь в глазах острым лезвием, с которого, казалось, стекала кровь. Центральная была пуста.

Она подошла к центральной двери, провела по ней рукой. Холодный, гладкий камень. Прислушалась. Тишина. Вернувшись к левой и правой, она внимательно изучила пол. Перед левой дверью камень был истерт до блеска, будто здесь прошли тысячи ног. Правая же была покрыта ровным слоем пыли. Перед центральной было также.

— Те, кто выбирал, останавливались перед левой, — прошептала она. — Долго думали. Но никто не вернулся.

Она толкнула центральную дверь, готовая в миг отпрыгнуть. Та отворилась бесшумно. За ней открылся коридор, идентичный тому, что вел сюда. Но стоило ей шагнуть вперед, как за спиной раздался треск. Она обернулась. Левая и правая двери мгновенно исчезли, а на их месте взметнулись стены. Если бы она ошиблась, ее бы замуровали здесь навечно.

— Первое правило, — прошептала она. — Не доверять тому, что блестит.

Следующий коридор был длиннее. Пол оказался выложен плитami разных цветов: черные, белые, серые, зеленые, красные. В конце коридора, далеко впереди, мерцал свет. Надпись на стене гласила: «Одни несут жизнь. Другие — смерть. Третьи — ловушку. Четвертые — обман. И только один цвет — истину».

Николетта достала крошечный камешек и бросила его на зеленую плиту. Та просела, и из стены вылетела стрела, вонзившаяся в противоположный край. Бросила на красную, пол под ней ушел вниз, открывая яму с копьями. Серая молчаливо ждала её решения. Но она уже не доверяла. Бросила подобранный здесь же камень, плита под ним лопнула, выпустив облако ядовитого газа, тут же развеявшегося.

— Серые — это ловушка с отсрочкой, — прошептала она. — Зеленые — стрелы. Красные — провалы.

Она бросила камешек на белую. Плита засветилась мягким светом, и на ней возникла надпись: «Ты прошла. Но только один раз».

— Значит, белые ведут вперед, — сказала она. — Но каждый раз новый путь.

Она шагнула на белую плиту. Та не дрогнула. Следующая белая была в трех шагах. Она сделала прыжок, а потом ещё. Плиты под ней вспыхивали и гасли, и она побежала, перепрыгивая, уворачиваясь, а стрелы хаотично вылетали из стен, но мимо. Одна стрела всё же скользнула по плечу и оставила алую полосу, но она не остановилась. Оставался последний шаг, и коридор расширился, превратившись в круглый зал.

В центре, паря в воздухе, покоились старые медные весы. На одной чаше лежал прозрачный кристалл, в другой — горсть песка. Надпись на стене гласила: «Взвесь то, что нельзя взвесить. Ответ примет равновесие».

Николетта подошла ближе. Кристалл был пуст, а песок на взгляд казался совершенно обычным. Николетта взяла кристалл в руку. Он был холодный, гладкий, безупречный. Потом вернула на место, но ничего не произошло. Следом пересыпала песок, и весы даже не шелохнулись. Тогда она коснулась пустой чаши.

— То, что нельзя взвесить, — прошептала она. — Правду. Страх. Любовь. Жертву. Да много чего нельзя взвесить.

Она вытащила нож из пояса и намеренно поранила палец. Серебристая, светящаяся кровь выступила мгновенно. Капнула на пустую чашу. Весы дрогнули. Чаша с кристаллом поднялась, другая опустилась. Кровь. Ее кровь. Но равновесия не было. Чаша с песком оказалась тяжелее.

— Этого мало, — поняла Николетта.

Она закрыла глаза и вспомнила. Землю. Арканту. Асвеллор. Отца, который ждал. Пушу, который верил. Сформировала сферу из воспоминания — холодную, плоскую, без тепла — и положила на чашу весов.

Весы качнулись. Чаша с кристаллом поднялась выше, но все еще не сравнялась.

— Не то, — прошептала Николетта. — Я отдаю не то.

Она убрала воспоминание и подумала о том, чего боялась больше всего. Стать той, кто не чувствует. Безучастно идти вперед, не оглядываясь. Потерять себя. Взяла этот страх в новой сфере и положила на чашу.

Весы замерли. Тяжесть песка опустила одну чашу, другая, с кристаллом, поднялась. Наступило равновесие.

Кристалл лопнул, и из него хлынул свет, осветивший следующую дверь. Надпись на стене исчезла, уступив место новой: «Ты заплатила страхом. Оставь его и иди дальше».

Третий коридор был коротким, но он пульсировал. Стены медленно и неумолимо двигались, сжимаясь. Надпись на входе гласила: «Время — твой враг. Скорость — твой друг. Тот, кто долго думает, умирает первым».

Её время истекало, сжимаясь, как петля. Она бросилась бежать, и стены позади, словно хищники, ринулись следом, подталкивая, лишая возможности думать, оставляя лишь инстинкт. Осыпающиеся камни хлестали по плечам, пол предательски уходил из-под ног. Споткнувшись, она упала, однако, вскочила и пулей понеслась дальше, вырвавшись в следующий зал за мгновение до того, как губительный коридор сомкнулся за её спиной. Задышавшись, она оперлась руками на колени, чувствуя, как сердце колотится где-то в глубине, грозя вырваться наружу.

— Бежать, — прохрипела она. — Иногда не нужно думать, нужно просто бежать.

Перед ней распахнулся новый зал, круглый, увенчанный высоким куполом. Его пол устилали бесчисленные напольные часы, дюжины, сотни циферблатов всех размеров и форм, плотно прижатые друг к другу.

Каждые часы жили своей жизнью: стрелки отсчитывали время в своём, отличном от других, ритме. Нервное тиканье сливалось в оглушительную какофонию, сводящую с ума. На стене

висела табличка: «Время здесь не ждёт. Но и не торопится. Найди свой час, или он найдёт тебя».

Николетта сделала шаг, и стрелки часов замерли. Оглушающая тишина накрыла её. Она осторожно ступила между циферблатами, и вдруг те, чью грань случайно задела носком сапога, ожили, зазвенели, и стрелки их завертелись вспять. Пол под ней дрогнул, и из-под одного из циферблатов выскочила механическая рука, пытаясь сомкнуться на её лодыжке. Она отшатнулась, а рука схватила лишь воздух, но вокруг часы один за другим приходили в движение. Стрелки неистовствовали, циферблаты раскрывались, выпуская россыпи шестерёнок, пружин, крошечных молоточков, которые отчаянно били по пустоте.

— Не наступать на часы? — спросила она в пустоту. — Или наступать на те, которые показывают правильное время?

Она присмотрелась. Большинство часов вращались, показывая время, отличное от всех остальных, но некоторые застыли, показывая одно и то же. Она перепрыгивала с одного неподвижного циферблата на другой, и механические руки, словно голодные, тянулись к её следу, но были медленнее.

Двигаясь на пределе, почти не глядя, доверившись инстинкту, она совершила последний прыжок и тяжело рухнула на колени у противоположной стены.

Часы за её спиной утихли, циферблаты снова закрылись, стрелки неспешно вернулись к своему размеренному ходу. Надпись на стене изменилась: «Ты выбрала свой час. Время пришло тебя».

Следующий коридор оказался лабиринтом дверей. Десятки дверей, вмонтированных в стены, потолок, уходящих даже в пол. Каждая из которых была уникальна: высокие и низкие, узкие и широкие, деревянные, металлические, стеклянные, с ручками или без, с замочными скважинами, украшенными торчащими ключами. Над входом сияла новая табличка: «Некоторые ведут вперёд. Некоторые — назад. Одна ведёт к выходу. Ты откроешь только три. Выбери».

Николетта огляделась. Двери в потолке так и манили — выход наверх, к свету. Но ей никогда не нравилось очевидное. Двери в полу, ведущие вниз, в темноту, казались ловушкой. Однако там, в глубине, мерцал слабый, еле заметный огонек. Она присела и потянула за ручку. Дверь подалась, и в нос ударил запах сырости, старого камня и, как ни странно, жареного лука. За дверью оказалась не пропасть, а спуск по каменным ступеням, уходящим вниз.

— Первая дверь, — прошептала она. — Вниз, не вверх.

Она спустилась и оказалась в крошечной комнате, где на столе стояла тарелка с супом, дымящимся и источающим такой аппетитный аромат, что у неё в животе заурчало. Рядом лежала записка: «Поешь — и иди дальше. Не поешь — застрянешь здесь навсегда. Но еда не простая: отведав, ты забудешь, зачем пришла».

Николетта сглотнула. Голод был нестерпимым, а запах сводил с ума. Она протянула руку, но в последний момент резко отдернула. Из кармана она достала кусок лепёшки, которым её снабдил Шот, и откусила. Сухой, безвкусный хлеб, но он приглушил первый натиск голода. Она снова взглянула на дымящийся суп.

— Я не хочу забывать, — сказала она.

Отвернувшись, она шагнула в другую дверь, ту, что вела в противоположную сторону. За ней открывался новый коридор.

Вторая дверь привела её в комнату, где не было ничего, кроме огромного зеркала. В нём она увидела своё отражение, но оно было иным — старше, измождённое, с потухшими глазами. Отражение смотрело на неё и вдруг заговорило:

— Ты устала, — произнесло оно. — Ты прошла столько испытаний, а впереди ещё два. Вернись. Здесь безопасно. Здесь ты можешь отдохнуть.

— Ты — не я, — ответила Николетта. — Я не сдаюсь.

— Ты уже ничего не чувствуешь, — возразило отражение. — Ты потеряла себя. Зачем тебе Венец? Зачем тебе мир? Стань мной. Забудь. Успокойся.

Она посмотрела на своё отражение и вдруг рассмеялась. Смех вышел странным — ни весёлым, ни горьким, а каким-то новым, совершенно непохожим на прежний.

— Знаешь, в чём твоя ошибка? — спросила она. — Я не чувствую, но я помню. А память — это тоже чувство. Просто другое.

С этими словами она ударила кулаком по зеркалу, и оно треснуло. Отражение рассыпалось на тысячи осколков, и за ними открылась дверь.

Третья дверь вела в комнату, где стоял огромный сундук. На его крышке витиевато было выведено: «Здесь лежит то, что ты ищешь. Открой — и получишь. Но помни: тайна открывается только один раз, и её содержимое может убить».

Николетта приблизилась, подняла тяжёлую крышку. Внутри лежал камень — тот самый, пятый камень Венца. Он пульсировал тёмно-синим светом, и она протянула руку, чтобы взять его. Но в тот же миг из сундука вырвались щупальца, обвились вокруг её запястий, потянули внутрь. Она рванулась, но они держали крепко.

— Ловушка! — прошипела она, и в её голосе зазвучало ледяное подтверждение. — Конечно, ловушка.

Она не стала сражаться. Вместо этого, стремительным, хищным движением, она подалась вперёд и впилась зубами в ближайшее щупальце. Оно увернулось, ослабив хватку, и рука Николетты вырвалась на свободу. Второе щупальце она с отчаянным усилием, с рыком, вырвала. Третье же встретило удар её ножа.

Щупальца, словно по команде, втянулись обратно в сундук, и тот захлопнулся с глухим стуком, а не живой камень, фальшивка, упал на пол. Девушка подняла его и сунула в карман.

— Чуть не обманул, — сказала она, обращаясь к сундуку и грозя ему кулаком. — Но я уже усвоила: ничто не даётся даром.

Она вышла из комнаты, оказавшись в новом коридоре. Коридор был коротким, упираясь в табличку, висящую на стене: «Поздравляю, ты почти у цели. Осталось последнее испытание. Оно самое простое. И самое сложное. Пройди через эту дверь». Дверь оказалась обычной, деревянной, без каких-либо признаков замка. Николетта толкнула её и вошла.

Она стояла на головокружительной высоте, на самом краю обрыва. Внизу, в бездонной пропасти, клубился густой туман. На противоположной стороне, в сотне метров, мерцал загадочный обелиск, а над ним парил камень. Моста, однако, не было.

— И как это — самое простое? — её голос прозвучал как вызов.

Из пустоты раздался ответ. Низкий, полный насмешки:

— А ты подумай. Ты прошла лабиринт, неужели же обычная пропасть станет твоей преградой?

— Моста нет, — растерянno произнесла она.

— Мост и не нужен.

Николетта бросила взгляд вниз, затем на противоположный берег. Перепрыгнуть казалось немислимым, расстояние было слишком большое. Магия здесь не действовала. А вернуться было уже невозможно, дороги назад не существовало.

— Что, если не искать мост? — прошептала она, почти не надеясь на ответ.

Она осторожно села на край обрыва, свесила ноги и медленно закрыла глаза. Ветер трепал её волосы, лаская лицо. Девушка чувствовала его холод, биение собственного сердца, ровное и сильное, и ощущала пульсацию Венца над головой. Она ждала.

— Ты сдаёшься? — снова раздался голос, теперь звучавший с ноткой нетерпения.

— Нет, — ответила Николетта, не открывая глаз. — Я жду.

— Чего?

— Не знаю. Может быть, чуда.

Она просидела так долго. Минута, другая, десять... Ветер стих. Воцарилась полная, всеобъемлющая тишина. И вдруг под ногами что-то ощутимо дрогнуло. Она резко открыла глаза: из клубящегося тумана, прямо из бездны, начали подниматься камни. Складываясь в призрачные ступени, они тянулись к противоположному краю.

— Что это? — изумленно спросила она.

— Ты выбрала не прыгать, не лететь, не искать обход. Ты выбрала ждать, — ответил голос. — Иногда самый короткий путь — это не действие, а терпение.

Николетта встала и ступила на каменные ступени. Они были неровными, скользкими, но она не позволяла себе спешить. Почти на середине пути одна ступень предательски провалилась под её ногой, и она повисла, вцепившись в её край. Собрала последние силы, она подтянулась и продолжила путь. Последний шаг дался тяжелее всего, и она упала на колени перед обелиском.

Камень скользнул в её раскрытую ладонь. Пятое кольцо Венца встало на своё место, засияло глубоким тёмно-синим цветом, пронизанным серебряными нитями, переплетаясь с остальными в единый венец, по сторонам которого сияли камни.

— Пять, — произнесла она, сжимая кулак. — Осталось две. Зачем была фальшивка?

— То, что легко дает судьба, не всегда является истиной, — ответил обелиск и рассыпался на глазах.

Она повернулась и направилась обратно. Лабиринт больше не сопротивлялся. Он пропускал её, словно признавая её право пройти дальше.

Пуш ждал у входа. Когда она появилась, он бросился к ней, вцепившись в штанину, и закричал:

— Ты была там вечность!

— Мне показалось, что меньше, — ответила Николетта.

— Ты вся в пыли, — фыркнул Пуш, обняв её. — И в крови.

— Это не моя, — она коснулась царапины на плече. — Или моя. Я уж и не помню.

— Ты смеялась? — он насторожился, прислушиваясь. — Я слышал смех.

— Я ударила зеркало, — Николетта улыбнулась, и её улыбка была странной, нечеловеческой, словно принадлежавшей кому-то совсем другому. — Оно меня невыносимо бесило.

— Следующая Печать? — спросил Пуш.

— Башня истины, — ответила она. — Печать Вериана.

Она подняла взгляд к небу. Звёзды над Асвеллором медленно кружились в бесконечном танце, и где-то там, в далёких горах, её ждала следующая Печать. Она не знала, что преподнесет ей судьба. Но в одном она была уверена: она пройдёт. Другого выхода у неё просто нет.

ГЛАВА 12. ГРАНИЦА. РАЗРЫВ

Николетта шла по Асвеллору, а каждый шаг давался ей тяжелее предыдущего. Не потому, что тело не слушалось. Оно окрепло за время исцеления, мышцы налились силой, а шрамы на груди светились ровным, спокойным светом. Тяжело было другое. Внутри, там, где раньше бился огонь, теперь была тишина. Но в этой тишине она слышала его зов. Не голос, а именно зов. Древний, животный, мужской. Тот, что не слушает доводов разума.

Пуш семенил следом за Николеттой, не задавая вопросов. Он чувствовал, что с ней происходит что-то неладное, но не мог понять, что именно. Она была спокойна. Слишком спокойна. И этот покой пугал его больше, чем любые крики.

— Ты уверена? — спросил он, когда они вышли к границе Асвеллора.

— Уверена, — ответила девушка.

Завеса здесь была почти прозрачной. Сквозь неё проступали очертания Арканты — серые скалы, туман, и на их фоне — одна фигура. Высокая, широкоплечая, с длинными светлыми волосами, развевающимися на ветру. Он стоял, вцепившись пальцами в невидимую стену, и тени клубились вокруг него, как стая голодных зверей, чующих добычу. Его дыхание было тяжёлым, сбитым. Он ждал здесь не день и не два. Он ждал месяцами.

Николетта шагнула сквозь завесу, и мир содрогнулся.

Локри поднял голову. Его лицо — исхудавшее, с чёрными кругами под глазами, с запёкшейся кровью на разбитых костяшках — было лицом мага, который потерял всё, кроме надежды. Но когда он увидел её, жизнь вспыхнула в его глазах с такой силой, что, казалось, могла сжечь дотла.

Локри рванулся к ней, а тени взметнулись, и обвили девушку, пытаясь удержать, защитить, вернуть.

— Ты жива! — его голос был хриплым, надорванным.

Николетта стояла неподвижно. Её лицо было спокойным, глаза ясными, и в этой ясности не было того, что он искал. Не было тепла. Не было узнавания. Только ровный, спокойный свет Венца, который пульсировал над её головой пятью камнями.

— Локри, — сказала она. Её голос был чужим. — Ты должен уйти.

Он замер, а после прищурился, внимательно рассматривая девушку. Его руки, только что тянувшиеся к ней, опустились. Тени замерли. В воздухе повисло напряжение.

— Что? — переспросил он. В его голосе не было понимания, только глухая, нарастающая тревога, которая начинала рождать нечто тёмное.

— Уйти, — повторила Николетта. — Отсюда. Из Асвеллора. Из моей жизни.

Локри смотрел на неё с нарастающей злостью. В его глазах боролись неверие и ужас. Он шагнул к ней, и тени снова потянулись, но она не отступила.

— Ты не можешь меня прогнать, — сказал он, а мужской голос стал тихим, опасным. В нём появилось то, чего она не слышала раньше. Абсолютная и жестокая решимость. — По твоей просьбе, я терпеливо ждал тебя. Ты знаешь, сколько времени прошло с того момента, как ты ушла? Больше года. Твой отец сходит с ума, не понимая, где ты. Был момент, когда я чувствовал, что ты умирала, и не мог помочь. А теперь ты приходишь и говоришь — уйди?

— Я не та, кем была, — она подняла руку вверх, и Венец над её головой вспыхнул ярче. — Я помню тебя, Локри. Я помню всё, но больше не чувствую того, что было. И не хочу причинять тебе боль.

— Не чувствуешь? — он шагнул к ней, а его лицо исказилось непониманием. В его глазах, тёмных, глубоких, горело пламя, которое она не узнавала. Не боль. Ярость. — Ты не чувствуешь? А я чувствую! Я чувствую каждую секунду, когда ты не рядом!

Он выдернул из-за пазухи алый кристалл, который носил на груди, и тот вспыхнул в его руке ослепительным светом. Локри пристально посмотрел на него, в нежелании верить её словам

— Легга, ты должна вернуться со мной в Арканту! Асвеллор слишком плохо влияет на тебя! Он жестоко меняет тебя!

Он схватил её за плечи, и она не сопротивлялась, давая ему время принять правду. Его пальцы впились в её кожу. Она отчетливо почувствовала всю глубину его ярости и то, как дрожат мужские руки. Он был близко — так близко, что она видела каждую морщинку у его глаз, каждый шрам на его лице, каждую каплю пота, выступившую на висках.

Он был красив той опасной, хищной красотой, которая когда-то заставляла её сердце биться чаще. Его тело, сильное, напряжённое, было телом воина, который привык брать то, что хочет. Сейчас он хотел её. И в его желании не было ничего, кроме собственнической, животной страсти.

— Вернись, — прошептал он. — Вернись ко мне. Навсегда.

— Я не могу, — спокойно ответила девушка. — И ты не можешь меня вернуть.

Локри отпустил её. Шагнул назад, как будто принимая сложное решение. Его лицо изменилось — боль ушла, уступив место чему-то, что она не узнавала. Тьма, которая всегда была в нём, вдруг стала плотной, осязаемой. Тени за его спиной выросли, потянулись к ней, обвили её ноги, руки, талию.

— Тогда я заберу тебя силой, — сказал теневик, а в его голосе не было больше мольбы. Только приказ. — Ты не оставляешь мне выбора. Ты вернёшься в Арканту, а я буду рядом, пока ты вновь не почувствуешь. Пока не поймёшь, что принадлежишь мне.

— Не надо, — она покачала головой, сохраняя абсолютное спокойствие.

— Надо, — он рванул тени, и они сжались, пытаясь опутать её, лишить движения. — Я не потеряю тебя. Ты моя, Николетта. Была моей, и так будет всегда.

Девушка тяжело вздохнула, смирившись с мыслью, что без боя он её не отпустит. Венец над головой Николетты вспыхнул, и пять камней запели. В тот же миг яркий свет вырвался из неё, и ударил в тени. Они рассыпались, как мёртвые листья. Локри отшатнулся, прикрывая лицо, но свет не жёг, он отбрасывал. Отодвигал. Убирал.

— Прощай, Локри, — сказала она, а её голос оставался ровным, как гладь озера, но ставил точку в их отношениях.

Николетта развернулась и пошла к завесе. Он смотрел ей вслед, а тени вокруг него взвыли, как звери, что чувствуют смерть. Кристалл в его руке, который всё это время пульсировал ровно, вдруг вспыхнул ослепительно ярко, а потом погас. Совсем. Он стал чёрным, мёртвым, пустым.

— Нет! — неистово закричал Локри, бросаясь к ней, но завеса сомкнулась, и она исчезла.

Теневик упал на колени, сжимая в руке мертвый камень, а тени продолжали завывать, клубясь вокруг него, и разрывая тишину. Он потерял её. В этот раз — навсегда. Но в его глазах не было отчаяния. Там горела холодная ярость.

— Ты вернёшься, — прошептал он, глядя на невидимую стену. — Ты вернёшься ко мне. Я найду способ, и заставлю захотеть меня снова. Ты будешь моей, даже если мне придётся уничтожить Асвеллор.

Совет Домов собрался в тот же день. В главном зале Магической Башни, где стены помнили ещё первых архимагов, царило напряжение. Светильники горели тускло, бросая длинные тени на каменный пол. Воздух был тяжёлым, пропитанным магией трёх Верховных Домов, которая не смешивалась, а сражалась, давя друг друга.

Локри стоял в центре зала. Его лицо было бледным, как полотно. Тени клубились у его ног, и в них, казалось, жила та же боль, что и в нём. Его тёмные глаза горели холодным, опасным огнём. Он больше не был тем, кто ждал. Он был тем, кто решил взять своё.

Морган сидел на троне Золотого Дома, откинувшись на высокую спинку. Его золотые глаза смотрели на Локри с ленивым интересом, но в их глубине таилась насмешка. Он был высокомерен в своей холодной, надменной красоте, которая не знала поражений. Белая рубашка была расстегнута на несколько пуговиц, а золотая цепь Правителя тяжело лежала на плечах.

Великий Торон сидел напротив. Его лицо было суровым, будто высеченным из камня. Серебристая магия клубилась вокруг него, как броня, готовая отразить любой удар. Он не мог спокойно спать с тех пор, как дочь исчезла. Но сейчас, когда он смотрел на двух архимагов, которые спорили о судьбе Николетты, в его глазах не было усталости. Только решимость.

— Она изменилась, — сказал Локри. Его деловитый голос был глухим, чужим. — Она уже не та, кем была. Она не чувствует. Пять Печатей забрали её душу.

— Не чувствует? — Торон подался вперёд. — Что значит — не чувствует? Ты хочешь сказать, что моя дочь превратилась в... в куклу?

— Нет, — Локри сжал кулаки. — Она помнит всё. Она говорит, действует, выбирает. Но внутри неё пустота. Я видел это своими глазами. Там не было... меня.

— Она тебя не узнала? — в голосе Торона зазвенела тревога.

— В том то и дело, что узнала, — Локри посмотрел на него. В его глазах отразилась боль, и Торон на мгновение посочувствовал тенивику. — Она сказала: «Я помню тебя. Я помню всё. Но я больше не чувствую». Она не хочет возвращаться в Арканту. Даже моя сила не помогла.

— А ты хотел её вернуть силой? — Торон резко встал, и его магия засветилась серебром. — Ты хотел захватить мою дочь?

— Я хотел её спасти! — рявкнул Локри. Тени вокруг него взметнулись. — Она там одна! Без защиты! Её меняют, переделывают, превращают в...

— В кого? — Морган поднялся с трона, а его золотая магия вспыхнула, гася тени Локри. — В ту, кем она решила стать? А я вас предупреждал! Но ты всегда хотел её для себя, Локри. Ты хотел, чтобы она была твоей.

— Замолчи! — прошипел глава Сумеречного Дома, и тени ударили в золотую стену, заставив её заискриться.

— А что? — Морган усмехнулся. Его глаза горели торжеством. — Ты думал, что любовь сильнее всего? Что она выберет тебя? Теперь ты знаешь, что значит быть вторым. Она никогда не была твоей. Она никогда не будет твоей. Николетта принадлежит Венцу, и мне.

— Я уничтожу тебя, — тихо ответил Локри, сжимая челюсти. В его голосе не было угрозы, там была только уверенность.

— Хватит! — Торон ударил кулаком по столу, и множество трещин побежало по камню. — Мы не для того собрались, чтобы вы выясняли, кто из вас больше достоин её отказа! Мы собрались, чтобы решить, что делать!

— Вернуть её, — сказал Локри. — Любой ценой.

— Пленить, — добавил Морган, а его наглая улыбка стала шире. — Как я и предлагал с самого начала. Она должна быть под моим контролем. Ради равновесия.

— Ради вашей одержимости! — Торон шагнул к ним. Его магия засветилась, раздвигая их силу. — Вы хотите её пленить? Вы хотите превратить её в пленницу? Мою дочь?

— Мы хотим её спасти, — Локри не отвёл взгляда. — Она в Асвеллоре, куда мы не можем войти. Она носит Венец, который делает её сильнее нас. И она не чувствует. Если мы не вернём её сейчас, мы потеряем её навсегда. Она станет... ими.

— Я не отдам её в руки таких, как вы, — прошипел Торон. — Я спрячу её так, что никто не найдёт. Ни ты, ни ты. Она будет жить в безопасности.

— В безопасности? — Морган рассмеялся. Его смех был холодным, как зимний ветер. — Ты думаешь, что сможешь спрятать носительницу Венца? Ты думаешь, что Асвеллор отпустит её? Ты её отец, Торон. Но ты не её судьба.

— А ты? — Торон повернулся к нему. — Ты думаешь, что сможешь её удержать? Ты, кто пытался её сломать? Ты, кто запер её в комнате из камня Чёрных земель? Ты, кто хотел подчинить её волю?

— Я хотел её защитить! — Морган шагнул вперёд. Его золотая магия ударила в серебряную стену Торона, заставив её заискриться. — Ты не знаешь, что такое власть! Ты не знаешь, что значит нести бремя Правителя! Я должен был её остановить! Я должен был её контролировать! И я сделаю это снова!

— Ты сделаешь это только через мой труп, мальчишка! — рявкнул Торон.

— Хватит! — Локри шагнул между ними, и тени разорвали их магию, отбрасывая обоих назад. — Мы теряем её! Вы понимаете? Мы теряем её каждую секунду, пока стоим здесь и спорим о том, кому она должна принадлежать!

В зале повисла тишина. Торон смотрел на него, и в его глазах была такая боль, что, казалось, она могла раздавить его. Морган отвернулся к окну. Его золотая магия погасла, оставив его в тени.

— Что вы предлагаете? — спросил Торон.

— Я найду способ войти в Асвеллор, — сказал Локри. — Я уничтожу завесу и верну её.

— А если она не захочет возвращаться? — спросил Торон.

— Тогда я сделаю так, чтобы она захотела, — Локри сжал кулаки.

— Ты не можешь заставить человека любить, — тихо сказал Торон.

— А я не прошу любви, — Локри посмотрел на него. В его глазах горела холодная, твёрдая решимость. — Я прошу вернуться, а остальное приложится.

— Вы оба безумны, — прошептал Торон.

— Возможно, — Морган повернулся к ним, на его губах играла странная, горькая усмешка. — Но она — наш единственный шанс. И мы потеряем её, если не объединим усилия.

— Объединим усилия? — Локри усмехнулся. — Ты хочешь, чтобы я поверил тебе?

— Я хочу, чтобы ты понял: у нас общий враг, — Морган посмотрел на него, в его глазах не было насмешки. Только холодная, трезвая правда. — Асвеллор.

— У тебя нет права говорить «у нас», — прошипел Торон.

— А у тебя есть? — Морган повернулся к нему. — Ты, кто спрятал её в Центре? Ты, кто позволил ей уйти? Ты, кто не смог её оградить от ошибки?

— Я её отец! — Торон шагнул к нему. — Я не буду строить темницу, для заточения своей дочери!

— И ты готов потерять её навсегда? — Морган не отступил. — Ты готов смотреть, как она становится одной из них? Как она забывает, кто она?

Торон замер. Его магия погасла, и он тяжело опустился в тронное кресло, закрыв лицо руками.

— Я не знаю, — прошептал он. — Я не знаю, что делать.

— Мы должны действовать вместе, — сказал Локри. — Мы должны найти способ вернуть её. И мы должны быть готовы к тому, что она не захочет возвращаться.

— Что ты предлагаешь? — спросил Торон, поднимая голову.

— Мы заставим её вернуться силой, — закончил Морган.

— Я не согласен на насилие, — сказал Торон.

— А что ты предлагаешь? — Локри посмотрел на него. — Мольбы? Она не слышит нас. В зале повисла тишина.

— Я согласен, что с ней нужно поговорить, — сказал он. — Но если вы причините ей боль...

— Мы не причиним, — перебил Локри. — Мы вернём её. Живой. Здоровой. Нашей.

— Она ничья, — тихо сказал Торон. — Она моя дочь.

— И она вернётся к тебе, — Локри посмотрел на него. — Я обещаю. Иначе развяжу с Асвеллором войну.

— Твои обещания ничего не стоят, — Морган усмехнулся. — Ты не смог удержать её. Я сам пойду войной на Асвеллор. Мне даже интересно, что это за земли такие в моей Арканте, и почему о них ничего неизвестно.

— Ты её не получишь, — Локри повернулся к нему.

— Следующий шаг мой, — Морган улыбнулся, а в его улыбке было что-то, что заставило Локри сжать кулаки.

— Хватит! — Торон ударил кулаком по столу. — Мы не для того собрались, чтобы выяснять, кто из вас...

Он не закончил. В центре зала, прямо над столом Совета, вспыхнул свет. Не золотой, не серебряный, не чёрный. Белый. Ослепительно белый, который заставил глав Домов отшатнуться, прикрывая глаза. Магия трёх Домов сжалась, втянулась, как улитки в раковины, не в силах противостоять этой древней, чистой силе.

А когда свет погас, в центре стояли они. Высокие, стройные, с серебристо-белыми волосами, которые струились за спиной, не подчиняясь гравитации. Их кожа была бледной, с едва заметным голубоватым отливом, а глаза — без зрачков — светились ровным, спокойным светом сознания. Одежды переливались от белого до глубокого синего, а в их спокойствии было что-то, что заставило даже Моргана замереть.

— Вы кто? — спросил Торон. Его голос дрогнул, потому что он впервые видел подобную силу, которая заполнила всё пространство зала, не оставляя места ни для чего другого.

— Архихонты, — ответил тот, что стоял впереди. Его лицо было спокойным, но в глазах горел свет, который видел всё. — Хранители равновесия. Мы пришли, чтобы предупредить вас.

— О чём? — спросил Локри. Его тени замерли, не смея приблизиться к гостям.

— О том, чтобы вы оставили носительницу Венца в покое, — сказал архихонт. Его голос был тихим, но в нём гремела сила, которая заставила троих архимагов замолчать. — Её путь предопределен. Вы не имеете права вмешиваться.

— Она моя дочь! — крикнул Торон, и его магия вспыхнула, но архихонт даже не взглянул на неё.

— Она доказала, что является наследницей Венца мира Арканты, — спокойно ответил архихонт. — И её путь — выше ваших желаний. Вы, главы магических Домов, и правите светской властью. Но магия мира больше не подчиняется вам. Она подчиняется равновесию. А равновесие требует Венца.

Морган шагнул вперёд. Его золотая магия вспыхнула, ударив в белый свет.

— А если мы не прислушаемся?

Архихонт посмотрел на него. Всего секунду. Но этой секунды хватило, чтобы Морган почувствовал, как его магия гаснет, как песок сквозь пальцы. Взгляд архихонта не был угрожающим. В нём было знание. Знание того, что Морган уже проиграл.

— Тогда вы узнаете, почему архихонты хранят равновесие, а не участвуют в войнах, — спокойно сказал он. — Мы не вмешиваемся в дела Арканты. Но если вы тронете носительницу Венца... если вы попытаетесь её пленить, контролировать, забрать... мы сотрём ваши Пики с лица Арканты. И возведём новые. С теми, кто понимает цену равновесия.

В зале повисла тишина. Тяжёлая, давящая, как свинцовое одеяло. Морган смотрел на архихонта, и его лицо было белым, как мел. Локри беспомощно сжимал кулаки, а тени вокруг него метались, как звери, чувствующие опасность. Торон опустил в кресло.

— Она жива? — спросил он. — Моя дочь... она жива?

— Жива, — ответил архихонт. — И она идёт по своему пути. Ей осталось две Печати. После этого она примет Венец и станет Хранительницей Равновесия.

— И что с ней будет? — спросил Торон.

— Она станет тем, кем должна стать, — ответил архихонт. — Или умрёт. Это её выбор.

— Я хочу увидеть её, — сказал Торон. — Я хочу знать, что с ней всё в порядке.

Арчихонт покачал головой.

— Это невозможно. Асвеллор не пропустит глав Домов Арканты. Это закон. Ваша магия не выдержит. Ваша суть не выдержит. Вы умрёте, если попытаетесь войти.

— Тогда я пойду с вами, — раздался голос из тени.

Все обернулись. Лияр стояла у колонны, а её лицо было спокойным, но в глазах горела решимость. Она была красива той зрелой, уверенной красотой, которая не нуждается в украшениях. Тёмные волосы были собраны в высокий узел, открывая тонкую шею. Простое тёмное платье облегло стройную фигуру. На поясе висела сумка с травами — её оружие, её защита.

— Я её тётя, — сказала она, выходя в центр зала. — Я Верховная магиня Центра Магических Искусств. Я не глава Дома, не претендент на её силу. Я просто женщина, которая хочет убедиться, что её племянница жива и здорова. Я пойду с вами.

Арчихонт смотрел на неё долго. Его бездонные глаза, видели её насквозь, и она не отводила взгляда.

— Ты не боишься? — спросил он.

— Боюсь, — честно ответила Лияр. — Но я не могу оставаться здесь, не зная, что с ней. Я учила её. Я защищала её. Я люблю её. И я должна увидеть её.

— Твоя магия может пострадать, — спокойно продолжил архихонт.

— Тогда я войду без магии, — ответила Лияр. — Я буду просто женщиной. Матерью. Сестрой. Тётей.

Арчихонт кивнул.

— Ты можешь пойти с нами, — сказал он. — Но помни: Асвеллор не прощает ошибок. Если ты причинишь вред носительнице Венца, ты не вернёшься.

— Я не причиню, — ответила Лияр. — Я хочу только убедиться, что она жива.

Арчихонт протянул руку, и портал открылся за его спиной. Свет был белым, чистым, а в его глубине угадывались очертания другого мира — серебристая трава, парящие скалы, водопады, падающие в облака.

— Тогда идём.

Лияр шагнула к portalу, и Торон рванулся вперёд.

— Лияр! — крикнул он. — Береги её. Уговори вернуться домой.

Она обернулась и посмотрела на брата.

— Я приведу её домой, — уверенно сказала она. — Или умру, пытаюсь.

Лияр шагнула в портал, и свет поглотил её. Арчихонты исчезли, и в зале остались только трое архимагов и тишина, которая была тяжелее любого крика.

Локри стоял, сжимая в руке мёртвый кристалл, и смотрел на то место, где только что была Лияр. Торон опустился в кресло. Морган отвернулся к окну, его золотая магия погасла, оставив его в тени.

— Я не знаю кто они, но у меня ощущение, что мы упустили что-то значимое, — сурово сказал Локри. — Асвеллор, требует нашего пристального внимания.

— Вы оценили их силу? — ошеломленно спросил Морган. — Нам нечего им противопоставить.

— Посмотрим, что расскажет Лияр, — Локри повернулся к нему. В его глазах горела холодная, твёрдая решимость.

— Ты слышал, что сказали архихонты, — Торон поднял голову. — Они сотрут наши Пики, если мы не оставим их в покое. Не стоит злить такую древнюю силу.

— Будущее покажет, — произнес Морган, сжимая в злобе кулаки.

Торон смотрел на них. В его глазах боролись надежда и мудрость

— Ждать, — сказал он. — Ждать и готовиться. Если Лияр не вернётся, тогда и поговорим.

— Я не хочу ждать. Летта принадлежит мне. Я обязан её вытащить оттуда, — ответил Локри.

В зале повисла тишина. Торон смотрел на него, едва сдерживая свою магию, чтобы не начать войну с Сумеречным Домом.

А где-то в Асвеллоре, на серебристой траве, Николетта сидела на крыльце своего дома и смотрела, как зажигаются звёзды. Пуш лежал у неё на коленях, а она гладила его шерсть, чувствуя, как внутри неё, там, где была пустота, что-то дрожит. Не вернулось, нет. Просто дрожит. Как лёд, который вот-вот треснет.

— Он сражается за тебя, — сказал Пуш.

— Знаю, — ответила она.

— Ты будешь готова, когда он придёт?

Она посмотрела на звёзды, на водопад, на далёкие огни Асвеллора — этого странного, тёплого, живого мира, который стал её домом.

— Да, — сказала она.

Пуш вздохнул, сворачиваясь клубком.

— Следующая Печать?

— Башня истины, — спокойно ответила Николетта. — Печать Вериана.

Она закрыла глаза. В кольцах венца мерцали пять камней, напоминая о том, что путь почти завершён. Но теперь она знала, что идёт не одна. И что даже Первые когда-то боялись, ошибались и плакали. И это делало их живыми, как и её.

ГЛАВА 13. ЛЮМЕН-ТИИР. ВСТРЕЧА

Портал выплюнул Лияр на край открытой террасы. Она едва удержалась на ногах, вцепившись в перила. Материал под её пальцами оказался теплым и живым, но такого она не чувствовала никогда прежде. Не камень, не дерево, не металл. Нечто, что дышало. Верховная Магиня не смогла скрыть своего изумления.

Лияр выпрямилась и подняла голову. Город архихонтов простирался перед ней не вширь, а вглубь, вверх, вниз, во всех направлениях одновременно. Мосты из света перекидывались через бездны, на дне которых клубился переливающийся туман. Стены зданий меняли цвет от перламутрового до глубокого синего. У воздуха здесь был вкус, похожий на запах озона после грозы, и в нем не было магии. Абсолютно. Лияр чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Здесь не было той стихийной силы, без которой не могла жить Арканта.

Она стояла в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.